

АВТОБИОГРАФИЯ ГРИГОРИЯ АНДРЕЕВИЧА ЛЯПУНОВА

(друкований варіант)

Уважаемые товарищи СОБЕСа! Пишу вам мою автобиографию в плохих условиях – в курене, в степи, будучи сторожем частнической пасеки.

Пишу по вашему требованию.

Родом я из с. Гуляйполя, Александровского у[езда] Екатеринославской губернии, сын Генриха /Андрея/ Алойзовича Антони, чеха и Сусанны Бонелис. Родился 4 июня 1886 г. Образование получил в земской школе. Настоящее мое имя Владимир Антони. За границу я ушел нелегально под Хотинном в 1908 г.

Моя пролетарская жизненная закалка была следующей. Бедность и лишения свели мою мать в могилу, когда мне было 9 лет. С 13 лет я начал работать в литейном заводе Я.Кригера в Гуляйполе. Шестнадцатилетним переселился в Екатеринослав, где мой отец работал машинистом и поместил меня учеником токаря на трубопрокатном заводе Ланге. Здесь шла интенсивная революционная подготовка. Вскоре я стал получать из рук отца «Искру» и прокламации, а еще чуть позже прокламации С. Д. Р. партии для распространения в ночной смене на заводе, и, в поселке Амур, в зоне завода. Затем я узнал, что отец ходит на тайные рабочие собрания и стал проситься, чтоб он и меня брал, но ответил: «Ты еще молодой». Этим воспользовались эссэры и ввели меня в свой кружок. А мне в то время было безразлично – одни и другие были рабочие и социалисты и этого было достаточно. Теперь я распространял уже прокламации обеих партий. Узнав, что один из старших эссеров имеет «Капитал» К.Маркса, я захотел тоже прочесть и просил его одолжить мне, но он ответил, что этих книг мало и ему ее дали на ограниченный срок, и он должен возвратить ее уже завтра. Я очень пожалел, что не смог тогда прочесть эту важную книгу, а много позже пришлось пожалеть еще больше. Она бы направила меня по линии научного социализма, а без нее я попал под влияние народничества.

В 1903 г. вспыхнули всеобщие политические стачки на юге России. Забастовал весь рабочий Екатеринослав. Забастовал и трубный Ланге. В городе солдаты три раза расстреливали рабочий митинг под Красными Знаменами, оставив на земле 53 трупа и много раненых. Мы же, забастовав, все направились в машиностроительный, остановили работу, и, вместе с рабочими этого завода, ворвались в листопрокатный Шодуара, где было много полиции, но она должна была [1] // открыть нам ворота. Мы проникли в кочегарку и свистком известили рабочих Шодуара о забастовке. Затем мы все прошли на лесопильню и там остановили работы. Вернулись на площадь

митинговать. На другой день был назначен большой митинг. Но нас внезапно взяли в тиски с одной стороны солдаты, с другой – конная полиция во главе с исправником, и, выслушав требования нашего оратора, солдаты и полиция пустили в ход приклады, нагайки и копыта коней и так стиснули нас, что я как-то очутился поверх людей и упал за палисадник лицом вниз, а ноги застряли в палисаднике. На меня стали падать и прыгать люди и затоптали мне грудь так, что я одиннадцать месяцев кашлял кровью. Палисадник и три забора были снесены народной волной. Надо сказать и о требованиях нашего митинга.

На вопрос исправника: – Чего вы хотите? Наш оратор сказал: – Требуем 8-и часового рабочего дня, свободы слова, печати, собраний, манифестаций, прямого, равного и тайного голосования и низложения самодержавия.

Стачка была грубо подавлена. Но рабочий народ настроился еще революционнее. Когда сама администрация сожгла трубный Ланге, я стал токарем в жел[езно]дор[ожном] депо станции Пологи, Ек[атериненской] ж[елезной] д[ороги]. Здесь и организовал кружок своих ровесников и вел пропаганду против капитала и царской власти. Тем временем надвигались революционные события 1905 г., названные впоследствии товарищем Лениным, репетицией. Вот в этой репетиции выпало участвовать и мне. По призыву первого в истории Совета Рабочих депутатов, мы, деповские рабочие, приняли активное участие во Всероссийской всеобщей Октябрьской стачке, которая оказалась революцией против царского самодержавия. Но царский манифест, пообещавший куцые конституционные права народу, обманул страну, и революционное нарастание прервалось. Люди поверили манифесту. Но это был только стратегический прием царских властей, чтобы успеть перейти в контрнаступление.

В ответ на царский маневр Совет Рабочих депутатов снова призвал весь российский пролетариат повторить революционную стачку в декабре. Забастовало и наше депо. Получались депеши о боях в Москве, Горловке, Дебальцево. Народ горел желанием ехать помогать горловским, дебальцевским товарищам, александровским железнодорожникам, забарикадировавшимся в железнодорожных мастерских, а оружия не было.
[2] //

По постановлению Революционного комитета депо занялось изготовлением холодного оружия и ручных гранат. Мы, токари, точили гранаты из чугунных труб. Разоруженные рабочими жандармы заходили в цехи и высматривали кто, что делал. Поэтому, когда карательный отряд донских казаков занял Пологи, арестованных сильно избивали.

26 декабря депо начало работать. Когда мы зашли в депо начальник механического цеха ЗУБЧЕНКО прочитал всем список имен – кого начальник отделения требовал явиться на станцию. Из 93 требовавшихся, только четверо решили идти, остальные разбежались. Я, И.Черногор, Н.Муратов и один зырянин с пением «Смело друзья, не теряйте бодрость в неравном бою», пошли на станцию.

- Где ваши снаряды, – спросил меня вахмистр?
- Никаких снарядов у меня нет, – ответил ему я.

Нас повели к выходу. От дверей до вагона с арестованными, выстроились в два ряда казаки и избивали нас кулаками в лицо, и в затылок, прикладами в спину, дулами в бока. А когда мы были вблизи вагона, нам заградили вход и начался отбой назад. Затем они образовали круг и началось что-то напоминавшее игру «в кошки и мышки». Нас гоняли во все четыре стороны, избивая дулами и прикладами, сбивали с ног и избивали ногами, качая по всем направлениям и, наконец, загнали в вагон. С этого момента я решил не сдаваться больше под арест царским сатрапам, и что с самодержавием впредь надо бороться только с оружием в руках. Через три месяца меня освободили из Бердянской тюрьмы, а при судебном разбирательстве опять спохватились за мной, но я стал скрываться и решил уехать в Москву. В Москве я работал токарем на заводе Шмейля в Замоскворечье. Вскорости рабочие избрали меня членом рабочего комитета. Заводским старостой у Шмейля был большевик С.Метелкин. Он поместил меня на своей квартире. Он помог мне войти в пропагандистский кружок ораторов, где уроки преподавал тов. Бонч-Бруевич. Дабы избавиться от авторитетного старосты Метелкина, Шмейль приказал его сослать подальше из Москвы. Метелкина арестовали. Я остановил работы на заводе, сказав жаркую речь в защиту старосты. Рабочие решили не начинать работу пока нам не возвратят Метелкина. Вооруженные винтовками со штыками, многочисленные полицейские окружили завод, а все рабочие стояли во дворе и требовали возврата [3] // товарища. К полдню Метелкин появился в заводе. Мы ликовали. На другой день меня потребовали в полицейский участок и предложили убраться из Москвы немедленно или я буду отправлен на родину по этапу.

Возвратившись в 1906 г. в свое село, я организовал революционную группу «Союз бедных хлеборобов» и начал гектографировать прокламации против столыпинской политики расселения крестьян на отрезках. Как противодействие нам, становой пристав Караченцев организовал в селе «Общество истинно русских людей» имени Архангела Гавриила. /Они носили значки Архангела Гавриила/. Активистами у «истинно русских» были местные помещики, кулаки. На свои собрания они призывали по одиночке крестьян и допытывались – кто это распространяет прокламации?

Собралась группа, и мы решили, что если не разогнать «архангелов», нас скоро раскроют. Решили поджечь всех помещиков состоявших в «Обществе истинно русских людей» и самых активных у них кулаков. Мы распространили прокламацию-ультиматум, что-то наподобие – “объявляем вам – распускайте свое черносотенное общество, будем поджигать всех его членов и даже уничтожать”. Они конечно не обратили на это внимания и стали еще энергичнее доискиваться нас. Вскоре запылали помещичьи усадьбы. Сожгли даже одного крестьянина дом, который очень кичился своим жетоном Архангела. Горела хата черносотенца. Сбежались люди,

стали наблюдать, но никто и рукой не пошевелил. “Люди добрые, чего же вы стоите? Помогите потушить пожар!”

– Хай тобі Архангел помагає, – отвечали крестьяне. И когда пострадавший в отчаянии сорвал с груди архангела и, с пристрастием, бросил жетон – причину своего несчастья – в огонь, то крестьяне сказали: “О, тепер ми тобі допоможемо” и дружно взялись тушить.

Осенью 1907 г. меня снова арестовали и заперли в волостной каталажке. На ночь меня привели в кабинет станового пристава. Не успел я войти, как Караченцев вlepил мне две крепкие оплеухи. “Смерть тебе!” прозвучало в моем мозгу, [так] что я и приговорил его к смерти.

Между прочим у нашей группы было такое постановление: физические оскорбления мстить и карать смертью. [4] //

Меня отвели в подземное помещение, где они обыкновенно допрашивали арестованных, избивали сионистов, истязали эссэров. Караченцев обзывал проституткой семнадцатилетнюю, привезенную из деревни учительницу. Смерти мы ожидали за нашу борьбу, но оскорблений не могли [не] переносить, ни прощать. Здесь с меня сняли колушок, блузу и сапоги, оставив в одной сатиновой сорочке. Пристав взял офицерский хлыст и начал сечь меня до иступления. Затем он стал допрашивать: “Признавайся и выдавай всех и вся”.

Я ответил, что ничего и никого не знаю.

– А, не знаешь! – И он набросился на меня с кулаками. Стражники держали меня за обе руки. Он колотил и приговаривал: “Убьем и закопаем, и никто не узнает, где ты делся... Я и не из таких, как ты, выбивал признания!” И он принимался снова толкти меня. Видя, что так он и не добьется моего признания, велел приставить меня к стене. Мне стражники растянули руки. Он отошел шагов на шесть от меня, наставил кулаки как буфера вагона и, с разгону, ударил меня ими под ребра, раз, другой, третий и до тех пор, пока я не свалился в обморочном состоянии. Мне стали лить холодную воду, как лед, в лицо. Когда я пришел в себя, меня посадили на стул и он снова стал требовать признания. Безрезультатно. Снова приставили к стене и снова тоже самое. Я снова очутился на полу. Снова холодная вода в лицо. Подняли, усадили на стул. “Воды!” – заорал он бешено. Мне дали кружку в два литра ледяной воды. Я проглотил ее всю, до дна, не отрываясь. – “Признаешься?” – “Нет” – был мой ответ. Меня свалили на землю лицом вниз. Один сел мне на затылок, другой на ноги, а Караченцев стал наносить мне по пяткам удары толстой резиновой масисой. После этого снова усадили на стул и подали ту же кружку холодной воды. И снова я ее всю опорожнил. С меня лил пот, как в паровой бане. Теперь он милостиво стал уговаривать меня. Сам он был сильно возбужден, нервен, волновался, и руки у него тряслись. “Признайся, выдай своих хохлят и я тебя отпущу. Ты посидишь некоторое время, потом выйдешь и будешь сыт, пьян и нос в табаке. Ну, что ж, сознаешься?” Я злобно ответил ему: “Нет!”, почти крикнув. Тогда [5] // он взял тетрадь и прочитал имена всех членов группы, назвав меня атаманом шайки анархистов-коммунистов, разбойников и поджигателей. Перечел номера и

типы револьверов и бомб. Я понял, что мы кем-то преданы, передал словесно товарищам, чтоб немедленно скрылись, как можно подальше и предупредил их что мы раскрыты и преданы. Но я забыл еще, что прочитав все это, пристав спросил меня:

– “На, а теперь признаешься?” Я твердо ответил: – “Нет”. Тогда он плюнул мне в лицо со всей силы очень обильным плевком. В полночь меня повели в волостную каталажку, дрожа и сильно вцепившись в рукава моего полушубка.

На следующее утро меня повели к следователю. Допросив меня, молодой следователь сказал: “Я освобождаю вас, но пристав имеет право держать вас две недели административно”. Через две недели меня отправили в пересыльную часть г[орода] Александровска, откуда через месяц екатеринославский губернатор административно освободил меня по ходатайству моей сестры, которая сейчас свидетельствует, что я был именно политэмигрант. Становой обещал истязать меня в течении двух недель, но, за меня вступился следователь, земский начальник Волков, и старшина запретил брать на допрос арестованных в ночную пору.

Будучи освобожден административно, я ясно осознавал, что это не надолго. Сознавал также, что мне грозит виселица и что надо улепетывать как можно подальше. 279 статья висела у меня на шее за вооруженное сопротивление старшему стражнику Захарову с подчиненными, но я, сгорая нетерпением отомстить за истязания, в конце лета 1908 года возвратился домой. Но в селе уже почти никого не было. Многие были арестованы и сидели в тюрьме, а оружие осталось неизвестно где спрятано. Я настойчиво доискивался оружия. Но [в] один вечер, часов в 10, придя домой, у калитки встретил брата, ждавшего меня в тревоге.

“Скрывайся, – сказал он, – за тобой приходили...” Началась тяжелая, нелегальная жизнь человека, которого ищут десятки шпионов. Становой Караченцев и другие стражники сбрили усы и рассыпались по ближайшим городам. Чтоб не подвергать страшной опасности рабочих и крестьян, пришлось всю зиму ночевать в стогах, в собачьих кублах. Весной я уехал в г. Хотин на Австрийской границе в качестве пропагандиста и заведующего нелегальной границей анархо-коммунистов, куда шло оружие и литература из-за границы и развозились по многим губерниям. Вскоре я проводил кружковое собрание в селе Пригородок за Днестром. Пришлось заночевать. Утром пристав, урядник и 6 вооруженных берданками полицейских угрожая взломать дверь, разбудили меня. Ранев урядника двумя выстрелами я скрылся. Осенью 1909 года я был в селе Бричаны Бессарабской губернии, чтобы провести кружковое собрание. Когда стемнело, [6] // в хату, где я остановился, ворвался урядник с 7-ю стражниками, вооруженными винтовками со штыками. Положив троих и сам будучи ранен штыком и револьверными пулями, я благополучно скрылся.

В зимнюю стужу, ночью, обстрелял бричку, в которой за мной гнался жандарм станции Гуляйполе. В каком это году было не припомню.

25 мая 1909 года¹, занимаясь развозкой оружия и литературы, я с А.Семенютой были арестованы урядником часов в 10 утра в одном селе, названия которого не помню, – прямо на улице. Сразив его маузеровскими выстрелами, мы пытались скрыться в пшеницах. Нас окружили сотни крестьян, стреляли улюлюкая. Мы повернули в село. Переполненные народом брички окружили нас. Тогда я начал с силой бросать вверх пачки брошюр и прокламаций.

Озадаченные крестьяне стали расхватывать литературу. На нас катила бричка с сельской властью. Один был с оружием. Мы остановили коней, захватили бричку и к вечеру под Бердянском, в поле, налетевшим на нас двум верховым ингушам, скомандовавшим нам нацелив на нас наганы – “Сдавайся!” – оказали сопротивление, убив коня и ранив одого из них. Потом захватили коней помещичьих разъездчиков и скрылись. В нашей упряжи тоже один конь был ранен. Ингуши тоже стреляли в нас.

Осенью 1909 г. я приехал из Парижа где состоял в издательской группе а[нархистов]-коммунистов «Буревестник», чтобы рассчитаться с Караченцевым и другими катями. Ко мне присоединился А.Семенюта. В селе было сумно, шли непрерывные обыски, налажено предательство и обширный шпионаж. Караченцев говорил:

– Я знаю, они хотят меня убить, но я расставил такую сеть, что они непременно попадут в нее.

Меня знали все в центре села, я и ночью рисковал был раскрытым. Пришлось несколько раз приезжать в село и специально покидать его. Наконец семья Продана приютила нас на чердаке и взялась помочь нам. Готовился спектакль в театре. “Там мы его и накроем”, решили мы. Пристав непременно придет в театр. Александра никто не знает в центре. Они с [7] // Марией Продан, – молодой девушкой, – пойдут в театр. Просидят до конца спектакля, а когда зрители и сам Караченцев станут расходиться, дело решиться успешно для нас. А пока Александр управится с Караченцевым, я направился в Юзовку, чтобы покарать еще большего изверга, запятнавшего кровью рабочих стены и даже потолок полицейского застенка, так называвшегося в то время в Юзовке, сысского пристава Михайлевского. Но меня ожидала ужасная неудача. После первого выстрела мой браунинг отказал, гильза не выскочила. Как в кошмарном сне, я дергал браунинг обеими руками, чтобы выбросить гильзу на глазах у Михайлевского. Опомнившийся пристав, рванул через улицу, выхватил наган и стал палить по мне так, что у меня даже под ногами пули крошили искры. Но все же главная цель, из-за которой я приехал из Парижа, была достигнута. Гуляйпольские групповики, казненные и оставшиеся в живых, и томившиеся в Екатеринославской тюрьме, могли считать себя отомщенными.

¹ На полях помітка “Весной? или 1908?”

В конце декабря 1909 г. я перешел австрийскую границу и не возвращался вот до 1962 г. 5-го июня. Нужно еще сказать, что в 1910 году екатеринославский военный суд, по делу 110 анархистов-коммунистов заочно осудил меня к смертной казни.

10 октября 1910 года я высадился в Буэнос-Айресе. Работал разнорабочим на разных работах. Между массой русских, белорусских и украинских эмигрантов, прибывших в Южную Америку с целью заработать для поправки своего хозяйства на Родине.

С первых же дней встреч с ними я вел денно и ночью устную агитацию против ненавистного мне капитализма.

В Аргентине, Бразилии, Уругвае я учил их петь революционные песни, раскрывал им глаза на мизерную, скотскую жизнь в капиталистической Америке. Доказывал им, что рабочие и крестьяне, освободиться от нужды и эксплуатации только при коммунизме, что их спасение единственно в коллективной жизни. Для этого нужна организованная борьба рабочих и крестьян против всякой формы эксплуатации человека человеком и окончится она социальной революцией, которая покончит с капитализмом.

Великая Октябрьская социалистическая революция, и даже еще не она, а февральская захватила меня на полевых работах в Аргентине. Все русское население было сильно взволновано, и жаждало разъяснения, что происходит у них на Родине. Я рвался на Родину но чувствовал, что моя пропаганда нужна и в Аргентине. С [8] // первомайской манифестацией в г. Буэнос-Айресе я уехал в город Бериссо, где было многочисленное русское население, работавших на гигантских американских бойнях-холодильниках Армура и Свифта. Здесь я организовал Культурно-просветительный рабочий союз и вел в нем ежевечернюю пропаганду, разъясняя им о происходящем у них на Родине. Собрания длились каждый вечер от 7 до 10-11 часов. Кончались пением революционных песен. Ни у Свифта, ни в Армура не давали мне работы. Истратив все свои сбережения через 7 месяцев я ушел на полевые работы в страдное время на Пампу. В [19]18 году у буэносайресовских организованных русских рабочих возникла идея организовать Южноамериканскую Федерацию русских рабочих организаций, председателем первого съезда избрали меня. В федерации было 2 \две тысячи\ организованных рабочих. Издавалась периодическая газета «Голос Труда». По поручению испанской комиссии федерации я организовал в 18-м году рабочий союз в г. Саратэ, где тоже было много русских рабочих на бойне-холодильнике. Затем я уехал в Монтевидео. Работал в бойне Свифта литейщиком. Здесь я вступил в Культурно-просветительную русскую рабочую организацию. Участвовал в рабочих стачках и манифестациях, выступал оратором на политических митингах на площадях и в театрах. Помогал организовать русские школы в Монтевидео. И в русской колонии Сан-Хавьер, где, между прочим, тоже организовал крестьянский союз. Создавал библиотеки во всех организациях, где приходилось работать.

В 1920 и 1921 годах был редактором газеты «Голос Труда» в Буенос-Айресе, а также и администратором федерации.

Победу Октябрьской социалистической революции я считал и моей победой, поэтому энтузиазму моему не было и нет конца. В своих выступлениях перед российскими и южно-американскими рабочими я всегда настойчиво защищал и доказывал, что отныне в России никакая сила не вырвет власть из рук рабочих потому, что в их руках пушки, оружейные и амуниционные заводы и великая своими размерами страна.

Работы в Южной Америке я выполнял самые разнообразные. Работал киркой, ломом, молотом и тачкой, носил шпалы, рельсы, забивал костыли и шпалы, работал на каменоломнях, в порту, в доке, кочегаром, машинистом, клан снопы в копны, клал стога, ломал початки кукурузы, работал на стройках домов, копал погреба, рубил просеки, работал с землемерами, и наконец, кончил пасечником в Уругвае. Здесь Отечественная война застала меня, когда проживал [9] // вблизи г. Пайсанду. Фашистские сапоги топтали мою Родину... Мне было не по себе. Надо было хоть чем-нибудь помогать ей. И я один, как есть, одинешенек, оббегал город, назначил землякам собраться в торговом доме и организовал их в комитет помощи Советскому Красному Кресту. Народ темный, малограмотный, но отозвался сердечно. Деньги мы отсылали в Советское Посольство в Монтевидео, а еще позже в Славянский союз в Уругвае для Советского Красного Креста. А когда война кончилась, покупали одежду и обувь для советских сирот войны. Был делегатом от г. Пайсанду на Первом Славянском конгрессе Латинской Америки, на нескольких последующих Славянских съездах Уругвая. Принимал участие во всех коммунистических манифестациях и митингах г. Пайсанду и даже выступал на площади Конституции с благодарственной речью /на испанском языке/ Компартии Советского Союза от имени славян в Пайсанду за то, что она освободила всех славян от гитлеровского рабства. Вся моя жизнь в Уругвае была связана и была в унисон с Компартией Уругвая.

В 1924 году безработица г Монтевидео, где жил, заставила меня с семьей поселиться в лесной местности департамента Пайсанду, где я занялся пасечным делом. Приезжая в г. Пайсанду за продуктами и по разным надобностям, я познакомился в рабочем локале с коммунистами, получая от них коммунистическую литературу и газеты, я начал помогать партии материально и политически – голосуя за коммунистических кандидатов в парламент и сенат, что я и продолжал делать вплоть до самой моей реэмиграции на Родину – СССР. Одно время в коммунистическом локале жила семья уполномоченная в любое время принимать товарищей, продавать газеты и брошюры, наклеивать марки на партийных билетах, получать деньги для Партии и пр[очее]. Мне стало легче общаться с партией и я вступил в Партию. Через два с половиной года, сторожившая локаль семья ушла. Локаль надо было посещать только в 8-9 часов вечера, чего я не мог делать за дальностью расстояния, разделявшего меня с городом. Но материальную помощь партии я не переставал делать, осуществляя ее через

встречных товарищей. Все партийные митинги и демонстрации я посещал по долгу моей революционной сущности. В то же время я сильно болел миокардом. Это тоже сильно повлияло на отсталость с партбилетом. В конце концов я убедился, что самое важное в Уругвае не партбилет, а деньги для нужд Партии и голос, на чем я и остановился. С женой я не разошелся. Она, когда получит свою трудовую пенсию, возьмет документы по пенсии и приедет, так она решила.

Г.А. Ляпунов – В.Г. Антони.

1966 г. [10]

ВОСПОМИНАНИЯ ГУЛЯЙПОЛЬСКОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Сын чеха и матери немки, я родился в 1886 году 4-го июня, в селе Гуляйполе. С тринадцати лет начал трудовую жизнь на заводе сельскохозяйственных машин Я.Кригера в Гуляйполе. В 1902 году, будучи шестнадцатилетним юношей, уехал в г. Екатеринослав и работал учеником токаря по металлу на заводе Ланге на Амуре. Здесь я начал получать из рук отца прокламации пачками для распространения на заводе и по поселку Амuru. Узнав, что отец ходит на тайные рабочие собрания к социал-демократам я стал просить отца, чтоб он и меня брал с собой, но получил отказ. Позже отец стал давать мне “Искру”, которую в обеденные часы я читал таким молодым ребятам как и сам. Вскоре вокруг меня образовался кружок товарищей, которые помогали мне распространять прокламации эс-дековские и эссэровские, а нам было все равно, что одно, что другое: социалистическое значит наше. Этим воспользовались эссэры и ввели меня и моих друзей в эсэровский кружок. В ту эпоху царская власть, чтобы дать разрядку народному неистовству, организовала еврейские погромы. Жандармерия и черносотенцы распространяли слухи: “скоро будет жидовский погром”... В назначенное погромщиками воскресенье, мы – десяток молодых ребят трубного завода Ланге отправились в центр города Екатеринослава. Екатеринославский проспект и Озерный базар были переполнены густою толпою. Погром был в разгаре. Громили еврейские магазины. Мы начали кричать: “Громи всех подряд! Разве только евреи виноваты, а наши что, ангелы, что ли?” Но как только толпа начала браться за не еврейский магазин появлялась полиция и конные казаки и оттесняли толпу. Когда толпа избивала еврейского мальчика лет двенадцати, то мы спасли его только своим криком: “довольно, довольно, а то вы убьете его, а чем он виноват?” И толпа повиновалась нам. Там какой-то стоял черносотенный оратор и натравлял толпу на евреев, неся злобную галиматью на евреев. С нами был крепкий парень с нашего цеха. Мы пробрались к самому оратору и вот наш крепкий парень, двадцатилетний Горохов, как

двинет кизиловой палкой этого черносотенного подстрекателя по голове, так он и залился кровью. Произошло замешательство, а мы им воспользовались и по команде старшего возвратились на Амур.

Летом 1903-го года в Екатеринославе вспыхнула всеобщая стачка. В собравшихся на митинг рабочих солдаты три раза стреляли залпами. На месте массового убийства безоружных людей осталось 53 трупа и человек двести – двести пятьдесят было раненых. Такими мерами царское правительство пыталось предупредить зарождающуюся революцию. В поселке Амур было два трубопрокатных завода и один, тоже большой [1] // машиностроительный. Первый забастовал трубный Ланге. Выйдя на улицу, все подошли к машиностроительному, ворвались во двор, затем в кочегарку, дали гудок и вместе с машиностроителями подошли к трубному – Шодуару. Там сбоку железных ворот на большом замке, было помещение полицейских стражников. Мы потребовали у них ключ. Не дают. Наши закричали: “Вали, нажимай на ворота, сами откроются”. И стали нажимать. Полиция поспешила сама открыть и мы прошли мимо десятка, стоявших в линию полицейских, в глубь двора, влились в кочегарку вверх на котлы. Гудок оказался на замке. Нашли лом чтобы сломать замок. Внизу закричали: “Не ломайте, нате ключ!” И гудок загудел извещая шодуаровцев, что началась стачка. Через пару дней сошлись люди на митинг. Говорил оратор критикуя царские порядки и политику бесправия. Но вот появился исправник с ротой конной полиции, с одной стороны, а с другой рота солдат и закупили нас около домов. Исправник спросил: “Чего вы хотите?” Наш оратор присел, чтоб его не заметили, и начал: «Мы требуем восьмичасового рабочего дня, свободы слова, собраний и митингов, свободы печати, прямого, равного и тайного голосования». Исправник спросил: “Еще чего?” – “Долой самодержавие!” Исправник подал знак рукой... Конные полицейские стали бить людей нагайками, солдаты прикладами. Нас теснили с двух сторон и прижали к крепкому частоколу палисадника. Я очутился поверх людей и упал сверху в палисадник лицом вниз, а ноги застряли в частоколе. Мне на спину падали и прыгали люди, и убегали. Наконец какая-то святая душа выдернула мне ступни. После этого “эксперимента” я одиннадцать месяцев харкал кровью.

В 1904 году эссэровский кружок в котором я состоял перешел к анархистам-коммунистам. Настроение в рабочих рядах того времени было очень революционно-боевое и очень многим соц-демократам и эссэрам понравились анархисты-коммунисты за то, что они яростно наступали на капиталистический строй, скакая через программу-минимум и буржуазную революцию и обещали коммунизм уже на второй день после революции. Это было стихийное явление тех лет среди молодых рабочих. Будучи еще в эссэровском кружке я страстно добивался прочитать «Капитал» КАРЛА МАРКСА, но не смог. Книгу видел но прочитать не дали из-за ее [2] // редкости. Итак я остался анархистом.

Началась война с Японией. Сгорел завод Ланге, в котором я работал и я очутился в Пологах, в депо железной дороги бердянской ветки, где работал

подмастерьем токарем. Здесь меня застали Октябрьская и Декабрьская всероссийские стачки. Здесь я уже имел кружок молодых парнишек, которых подготавливал для грядущей революции. В декабрьскую стачку по приказу революционного комитета, который заседал в школе, депо работало, заготавливая холодное оружие: сабли, пики, а мы токаря – ручные гранаты. Мой станок был самый ближайший к широким входным дверям. Разоруженные станционные жандармы боевой дружиной не зевали, в количестве четырех человек шныряли по всему поселку наблюдая за всем, что творится. Посмели приблизиться к депо, зашли в ворота, стали рядом и наблюдали, что делают токаря. На моем станке стояла довольно большая пирамида чугунных гранат. Это они хорошо заметили и запомнили. Заходили они и в другие цеха и там всех брали на примету. Депо готовилось к бою. Собирались ехать в уездный город Александровск, чтобы помочь тамошним рабочим, засевшим в железнодорожных мастерских и оттуда отстреливавшимся от царских сил. Необходимо упомянуть, что обе революционные стачки, как Октябрьская 1905 года, так и декабрьская, совершались нами рабочими по приказу Совета рабочих депутатов. В Москве шли бои рабочих с царскими войсками и у нас царил большой энтузиазм. Но вот стали приходить печальные известия из Дебальцево, из Александровска, что восстание подавлено. И наконец пришла депеша из Москвы, что и там революция потерпела поражение. И вот 25 декабря в Пологи прибыл карательный отряд донских казаков и начались аресты, обыски, избиения. Начальник отделения приказал, чтоб 26 декабря депо возобновило работы. Загудел гудок и все мы пошли на работу.

В депо нас собрали на собрание выслушать приказ начальника отделения. Старший мастер Зубченко с листом в руках стал вычитывать тех кому повелевалось идти на станцию на допрос. Вычитал 93 фамилии, между ними и мою. 89 человек не пошли на допрос, а разбежались и скрылись. Мы-де четверо молодых, не опытных – Муратов, Иван Черногор, я и один семейный зырянин, зная, что будем арестованы, решили идти. По дороге спели “Смело товарищи в ногу” и “смело друзья, не теряйте бодрость в неравном бою, Родину-мать вы спасайте, честь и свободу свою” и зашли в станцию. [3] //

Жандармский вахмистр обратился ко мне одному: “Где ваши снаряды?” Я ответил: “Никаких снарядов у меня нет”.

Тогда он жестом показал казакам, чтоб нас избили. От дверей к вагонам стояли в два ряда казаки. Мы пошли между ними и началось избиение. Одни бьют кулаками в лицо, другие прикладами в спину, другие дулами винтовок в бока. Затем они сформировали круг и стали нас прикладами бить и гонять с одной стороны в другую. Наигравшись досыта, стали подбивать нас ногами, и лежачих били ногами, и качали по перрону. Наконец нас загнали в пассажирский вагон, в котором уже было много арестованных, избитых как и мы. Через двое суток нас отвезли в бердянскую тюрьму. Через три месяца меня освободили, чему я был очень удивлен и уверен, что после допроса и суда всех деповских заключенных, меня снова

арестуют. Поэтому мне хотелось уехать как можно дальше. Вскоре я встретил одного освобожденного, который сказал мне, что его просили, чтоб сказал мне, что меня просят на допрос в Екатеринослав в качестве “свидетеля”, но я не поехал давать свидетельские показания, постарался уехать в Москву. Пусть ищут если я им нужен. Тем больше, что я уже ходил один раз на “допрос” на станцию... Тогда же один осведомленный товарищ сказал мне, когда вас увезли в тюрьму деповский врач, начальник тяги и начальник движения организовали чай у врача, на квартире. Пригласили жандармского вахмистра, угостили его и объяснили ему: все токаря точили гранаты, а вина пала на одного несовершеннолетнего – Антони². Вахмистр согласился и снял с меня тяжелое обвинение. А что доктор и оба начальника были сторонники революции 1905 года вахмистр не знал. Я тоже не знал. Через три месяца меня и еще двух моих молодых товарищей освободили из Бердянской тюрьмы. Будучи лишен работы в депо, я уехал в Гуляйполе³. Здесь я с первых же дней начал агитацию среди знакомых, еще со школьной скамьи сверстников. Пропагандировал социальную революцию и гектографировал несколько раз прокламации за подписью “Союз бедных хлеборобов”. Такое название с энтузиазмом принято нашей группой. Таким образом скоро образовалась в Гуляйполе революционная анархо-коммунистическая группа. [4] //

Будучи безработным два месяца я уехал в Москву. Там я работал в Замоскворечье на заводе Шмейля. Был делегатом от фабричных рабочих в фабрично-заводском комитете. Состоял членом пропагандистского кружка, которым руководил товарищ Бонч-Бруевич. В заводе Шмейля я провел однодневную стачку, потребовав у хозяина возратить нам нашего заводского старосту-большевика Сергея Метелкина, арестованного по воле хозяина. Его освободили, а меня призвали в полицейский околоток и предложили мне выбор: ехать в Гуляйполе этапом или убраться из Москвы в 48 часов, что я и сделал, уехав в Гуляйполе⁴. Пока я был в Москве я прочитал в газете, что в Гуляйполе совершены две мелкие экспроприации. Это обстоятельство меня очень обеспокоило. Я понял, что та организационная и пропагандистская работа, которую я с таким энтузиазмом начал, подготавливая население к будущей революции – теперь висит на волоске. Да, вот еще одна деталь. Когда я уезжал в Москву я строго приказал товарищам: Н.Махно ни в коем случае не принимать в группу, что он парень пьющий, драчливый и если включим его в нашу организацию, это нам обойдется очень дорого. Приехав из Москвы я спросил их: зачем вы его приняли, ведь я предупреждал вас.. – Так ми ніяк не могли від нього відчепитися... Опасался я его потому, что знал его еще со школы, что он ужасный драчун, а с шестнадцати лет он уже пил и опять дрался, и полиция то и дело гонялась за ним, даже с полицией дрался. Это его поведение не обещало нам ничего

² В тексті дослівно «Антон», найбільш вірогідно це просто невіправлена печатка.

³ Напис на полях «1905. Антоні в Г.-П.»

⁴ Напис на полях «Снова в Гуляйполе».

хорошего. Хотя после нескольких их эксов, нам и так не оставалось ждать ничего кроме виселиц.

Оставшись снова безработным я жил у дяди, кой чего помогал ему в хозяйстве. Уходил далеко ища работу, но все тщетно... Пока я бывал в Гуляйполе у нас бывали почти каждый вечер собрания. Я старался их распропагандировать, чтоб они были сознательными революционерами. От эксов я их удерживал, но без меня их опять тянуло на эксы, потому что они оставались одни и им нечего было делать. Они все спешили вооружаться, скупляли старенькие револьверчики. Мне было жутко. Я чувствовал, что все это кончится печально. После наших прокламаций заворушились помещики, кулаки. Возник союз “истинно русских людей” под председательством пристава Караченцева. Стали заманивать крестьян в члены. Стали по одиночке призывать крестьян и допытываться кто это разбрасывает прокламации, где стоит “Союз бедных хлеборобов”. [5] //

Стало ясно, что скоро нас нащупают и арестуют. Мы собрались и решили: пока не поздно мы должны разогнать это сборище “истинно русских”. Я написал печатными буквами и оттиснул на гектографе прокламацию, в которой угрожал от имени нашей организации, что “мы будем с вами бороться, огнем и оружием”. И как помещики были главными организаторами мы объявили нашим массовикам, чтоб поджигали самых рьяных из них. В первую очередь зажгли помещицу Черноглазиху игравшую первую скрипку в их союзе, а потом запылали ближайшие и дальние помещики и пожары пошли и пошли во все стороны. Стало сумно и жутко ночами эти огнища. Подожгли и одного, т[о] е[сть] хату одного крестьянина в селе, очень ретивого члена “истинно русских”. На пожар сбежался народ, но никто не хотел ему помогать тушить огонь. Тогда он обратился с просьбой: “Та чога ж ви стоїте, та допоможіть же тушити”. А соседи стоят, смеются и говорят: “Хай тобі Георгій /не помню точно Архангел ли или Георгий/ допогає!”

Тогда крестьянин сорвал с груди жетон и бросил его в огонь. – О, тепер ти наш, тепер ми тобі поможем тушити. И помогли погасить пожар.

Союза “истинно русских” не стало. Его как водой смыло. Победа была наша. Тогда пристав стал подбираться к нам с помощью шпигов и провокаторов. Облюзовав дело как следует он подослал к Н.Махно провокатора. И именно к нему, а не к кому-нибудь другому из нашей группы. Тот “набрел” на хату Махно со стороны степи, будто с ж[елезно]дорожной станции. Попросил воды попить, сказал что ищет работу, что электрик. У Нестора с ним завязалась дружба... Вскоре он сказал Нестору, что нашел работу: устанавливает у помещика Гильца электроосвещение... Еще позже сказал, что Гильц получил из банка 20 тысяч рублей. Хлопцы решили идти на экс. Я с трудом удержал их, предчувствуя подвох со стороны “электрика”. Я только один раз видел этого “типа” и уже заподозрил в нем что-то недоброе. Через время мы узнали, что на те дни, когда нас ждали у Гильца, нас ожидали двадцать четыре стражника аграрной стражи. Такие западни подстраивал пристав! Я предвидел, что Нестор легко доверился и сдружился

с человеком, которого впервые встретил. Иначе как стал бы провокатор говорить с ним о двадцати тысячах.

Время от времени я привозил из Екатеринослава прокламации и кой-какую пропагандистскую литературу. С Москвы же я привез целую кошелку анархической литературы, продававшейся в [6] // книжных магазинах совершенно свободно. Экспроприированных денег я ни разу не спросил и не брал у группы, тем больше, что эксы всегда делались в моем отсутствии и даже, как я сейчас понимаю – тайно от меня. Как я жил и на какие деньги ездил в Екатеринослав? Старший брат мой работал в заводе Кригера, много помогал мне одеждой и деньгами, а у дяди я жил и кормился. К экзамам /как их тогда называли/ у меня было очень отрицательное отношение. Я их считал большим тормозом в революционной работе. Они пресекали пропаганду и катастрофически губили организации. Екатеринославские а[нархо]-коммунисты, можно сказать, все сидели смертниками в тюрьме и почти все были перевешаны. Уцелевшие пошли в каторгу.

Единственный раз я принял 5 рубл[ей] от екатеринославской группы, когда ехал в Москву имея денег только на проезд, будучи безработным. Это было в конце мая 1906 г. Возвратившись из Москвы в ноябре я проводил кружковые собрания до октября 1907 г. на которых знакомил групповиков с политической экономией, историей культуры, с естественной историей человечества, астрономией, происхождением Земли и жизнью на ней, и происхождением человека на Земле. Критиковал аграрную политику Столыпина, которая пыталась разрушить остатки общности в крестьянстве. Так дотянули мы до осени 1907 г. Теперь Нестор натворил снова делов, которые окончились для нас фатально. В больнице служил Михей, если не ошибаюсь в его имени, из какого-то соседнего села. Познакомившись с ним Махно посвятил его во многое. Решив, что Михей сагитирован, в один прекрасный день они оба выпили хорошенько и пошли куда-то на край села к девушке, которую Михей сватал в жены. Вызвали ее с хаты. Михей спросил ее: “Ти підеш за мене заміж, чи ні? – Та я ж тобі скільки раз отказувала, чого ти ще хочеш від мене. Сказала не пійду, і не пійду! – Так на ж тобі!..” – и выстрелил из револьвера, данного ему Нестором, по видимому для этой самой цели. Прострелив ей руку, пуля прошла в грудь. После этого выстрелил себе в голову, но ранил себя неважно. Затем Михея и Нестора видели ехавшими на бричке в центр села, причем Михей все время демонстративно кричал: “Я пролил кровь свою за свободу!” Михея положили на солому в волостном полицейском помещении, а за Махно я не знаю. Потом к Михею приходил поп и исповедовал его. Через несколько дней арестовали Нестора, а следом и меня. Обоих держали в одиночках. Вечером меня двое полицейских повели к приставу. Я [7] // зашел и сказал “добрый вечер”. – “Добрый вечер”, – отвечал Караченцев и... с силой ударил меня два раза по лицу. Но он не знал, что у нас было постановление, т.е. решение: пусть нас арестовывают, пусть судят, пусть вешают, только без физических оскорблений, а поэтому я мысленно сказал ему /не вслух/: “Смерть тебе!” У нас было условлено, кто останется на

свободе, должен мстить смертью за удары. А может он и это знал, раз он знал все до подноготной о нас, знал сколько у нас оружия, какого калибра револьверы и какого типа, и сколько у нас бомб, и какие. После двух пощечин меня отвели в подвал полицейского участка станového. Пришел и сам. Скомандовал: “Раздеть!” Сняли с меня полушубок, куртку и сапоги. Остался я в сатиновой рубашке на голое тело и босой...

И начал он крестить меня офицерским хлыстом, через плечи и по всему мне. – “Признавайся во всем!” Я отвечал: – “Ничего не знаю”. Снова хлысты. – “Признавайся!” – “Ничего не знаю”. Двое полицейских приставили меня к стене спиной. Растянули мне руки. Караченцев отошел шагов шесть назад, сжал кулаки, выставил их перед собой, разогнался и ударил меня под пахи. Раз, другой, а за третьим я потерял сознание и упал. Отлили меня холодной водой, посадили на стул: “Признавайся, где ты был 26 числа /не то августа, не то сентября/. – “Ничего я не знаю и ничего не помню”. – “Вот ты сейчас у меня вспомнишь”. Повалили на пол, на затылок сел один, а на ноги другой. Расставив ноги он стал надо мной и стал бить меня со всей силы резиновой массой по пятам. Усадили на стул. – “Ну, признавайся!” – “Не признаюсь”. Снова к стенке, снова кулаки под пахи. Снова лежу на полу в забвении. Снова льют холодную воду в лицо. Снова хлыстом. Посадили на стул. – “Ну так как сознаешься?” – “Нет”. – “Смотри, две недели буду из тебя выбывать признание. Убьем и закопаем и никто не будет знать куда ты делся. Признавайся. Кто выстрелил в Захарова?” – “Не знаю”. – “Ничего не знаешь? Ну так слушай”, и стал читать полицейский протокол. В.Г.Антони – атаман шайки анархистов-коммунистов, разбойников и поджигателей, вооруженных револьверами и тремя бомбами. Перечислил какого типа и состава бомбы и... перечел все револьверы и номера на них. Перечислил и всех активистов группы. Я ужаснулся насколько он осведомлен обо всех нас и обо всем. С меня градом катился пот, а он весь дрожал. Дрожали руки у него и колени и он начал: “Ты думаешь что мне нравится тебя бить? Выдай мне своих хохлят и я тебя освобожу. Вру, посидишь какое то время, а потом выйдешь на волю и будешь сыт, пьян и нос в табаке. [8] // Признаешься?” Я злобно крикнул: “Нет!” Он взбесился и плюнул мне в лицо. – “Отведите его и не смейте тронуть пальцем”. Полицейские Суббота и Парфоменко, державшие меня все время за руки крепко, вцепились в рукава моего полушубка, с ружьями и штыками, дрожа всем телом повели меня в волостную кутузку. А когда я ослабевший переступал порог одиночки Парфоменко ударил меня сапогом в поясницу. Истязать меня приставу больше не пришлось. Следовательно, земский начальник приказали старшине /волостному/, чтоб не разрешал больше брать арестованных на ночные допросы. Утром меня повели на допрос к следователю. Этот допросил меня коротко и вежливо. И сказал: “Я вас освобождаю, но это не значит, что вы уже будете на воле. Пристав имеет право держать вас административно две недели, исправник месяц, а губернатор три месяца”. Я передал записку товарищам, в которой объяснял, что мы преданы, что нам всем грозит виселица и велел им немедленно скрываться в Сибирь, или в Закавказье, и не писать писем родным. Но никто

из них меня не послушал. Дней через десять, нас, т.е. меня и Нестора отправили возом, в сопровождении двух вооруженных полицейских, в Александровск, во вторую полицейскую часть. Нестора отправили в тюрьму, как запутавшегося в показаниях на допросе у следователя. Через месяц меня освободили, чего я никак не ожидал. Мне надо было убежать на край света, а я возвратился в Гуляйполе, рискуя снова попасть катам⁵ в лапы. Думал, что достану револьвер и рассчитаюсь с приставом за все и всех. Но револьвера нельзя было достать потому что все имевшие оружие были уже арестованы и посажены в Александровскую тюрьму. Пока я сидел во второй пересыльной полицейской части г.Александровска в ожидании тюрьмы или ссылки в дальний Север, они, вместо того, чтоб уходить как можно дальше из Гуляйполя напали ночью в степи на почту, убили полицейского, а кони с телегой ушли. Как мне сказали оружие они попрятали в загатах. Я уже жил у брата, потому что еще до ареста получил работу на заводе Кригера. Была зима. После работы, вечером, я ушел из дому, а когда вернулся в 10 часов ночи... Когда я в 10 ч[асов] ночи вернулся домой мой брат стоял на улице ожидая меня. С нетерпением и беспокойством сказал: “Тебе надо немедленно уходить, за тобой уже приходили полицейские. Беги к дяде, займи 10 рублей и поскорее уезжай из Гуляйполя. Сестра решила ехать со мной. Поезд через Александровск в Екатеринослав [9] // приходил на нашу станцию в один час ночи. В 12 с половиной мы прибыли на станцию. Зашли... И кого я там увидел?.. Увидел Захарова с тем полицейским, с которым он приходил за мной. Захаров сказал: “А вы куда это собрались?” – “А вот сестра едет в Екатеринослав, так я приехал с ней, чтоб проводить ее.” – “Мы были у вас, чтоб сказать вам, что пристав хочет поговорить с вами и просил, чтоб вы зашли. Не арестовать и лишь что-то выяснить.” – “Хорошо” – говорю – “завтра утром я пойду к нему”. Подходя к кассе я довольно громко сказал: “Один билет в Екатеринослав”, а потом тихо сказал – “еще один” и на виду у полицейских отдал его сестре. Видя меня пойманным Захаров сказал: “Мы ждем Нестора. Он взят на поруки и сейчас приедет в этом поезде”. Подошел поезд. Проводив сестру в вагон и проходя мимо полицейских я сказал им: “Завтра утром пойду к приставу”. Открыв двери на улицу я громко крикнул: “Кто повезет меня в Гуляйполе?” – “Я, я, я!” – закричали несколько голосов. За дверями я шепнул извозчикам: “Одну минуточку я сейчас...” и быстро обойдя водокачку пошел в сторону паравоза, вошел в первый вагон, влез на верхнюю полку, лег лицом к перегородке и притворился спящим. Полицейские вероятно поверили, что я уехал в Гуляйполе. Через полчаса поезд рушил. Я вздохнул спокойнее. Долгими показались эти полчаса мне. Из предосторожности я не доехал до Екатеринослава, а встал в Нижнеднепровске и пошел в поселок Амур пешком. Опять случайность спасла меня. А случайность заключалась в том, что Захаров не догадался арестовать меня. Наверно ему попало от Караченцева за это. В поселке Амур, где я пребывал днями то у одних, то у других, то у третьих, все соседи знали

⁵ Слово переправлено чернилами з слова «котам».

меня как облупленного. Поэтому мое убежище там было весьма малонадежно. Товарищи снабдили меня браунингом – и то легче стало на душе. Вскоре я встретился с Александром Семенютой и мы поехали в Гуляйполе, чтоб отомстить приставу Караченцеву, но его там небыло. Он с несколькими стражниками рыскал как раз в Екатеринославе и других городах, ближайших к Гуляйполлю, разыскивая меня. Сидеть долго в селе нельзя было. Реакция была большая. Те, кто еще не был арестован, боялись обысков. Вечером мы ушли, обходя село степью, на станцию. Было очень холодно, а поезда нам надо было ждать еще долго. В зал ожидания мы не могли зайти. Нас бы там узнали, поэтому мы присели под водокачкой и сильно остыли. Пальцы у нас на руках стали как деревянные и мы никак не могли ими двигать, и мы тихонько заговорили: вот если б сейчас на нас наскочила полиция, а мы не в состоянии браунинга удержать в руках. И как раз в [10] // этот момент на нас наскочил жандарм. – “А вы чего здесь сидите? Это что-то подозрительное?.. А ну, на станцию?” Проходя станцию бросились бежать. Он догнал нас в степи. И с брочки стал кричать: поворачивайте на станцию. Тогда мы окоченевшими⁶ пальцами повынимали браунинги и обстреляли его. Мужик повернул коней и умчался с жандармом на станцию, а мы быстро пошли обратно в Гуляйполе, обходя село. Ломая лед мы перешли Гайчул по пояс в воде. У товарища Ивана Шевченко мы обсохли и к вечеру ушли степью на ж[елезнодорожную] станцию Гайчул и вернулись в Екатеринослав. В Екатеринославе было тоже очень опасно. Пристав со стражниками обрили усы и шныряли по улицам разыскивая меня. Обыски были еженощные. Спать у знакомых было страшно, что за укрывательство им грозило шестнадцать лет каторги: мы-же будем отстреливаться. Чтоб не подвергать их такой опасности мы ходили за город и спали в крестьянских стогах, вернее под стогами, в собачьих кублах. В такой голодной собачьей жизни я дотянул до марта 1908 г. Случилось, что приехал из Каменец-Подольска товарищ с просьбой, чтоб им дали пропагандиста. Предложили мне и я уехал. Сначала я был у каменец-подольцев. Сдесь была очень маленькая группка. Повезли меня в Хотин. Сдесь тоже было немного людей, но это был центр, так называемой “анархической границы”. Сдесь были свои контрабандисты, которые, то и дело, переплавляли людей, нелегально переходивших границу в Австрию, то из Австрии – которые возвращались с Западной Европы. Переплавляли оружие и литературу. Граница в Хотине – на Днестре. По ту сторону была Австрия. Население же по обе стороны было украинское. Наши контрабандисты получали революционную контрабанду и на каюках-душегубках перевозили на наш берег и прятали ее ночью в условленном месте. Мы нанимали извозчицью балагуру и, тоже ночью, ехали несколько человек вооруженных, забирали посылку из Черновцов и увозили ее километров за 7 к Патлатому. Так конспиративно называли мы пожилого семьянина, бывшего народовольца, за

⁶ Слово написано над рядком.

его почти поповские волосы. Там у него в лесу была яма-хранилище революционной контрабанды.

Мое положение сложилось в городе Хотыне так, что я был пропагандистом и заведующим оружием и литературой, которые я по паролю выдавал революционным рабочим, приезжавшим из разных городов Украины и России. Вскоре из поселка Пригородка, по ту сторону Днестра, ниже города, уже была не Австрийская, а наша территория, прибыли студенты за пропагандистом. Прихватив два маузера, я с парнями паромом переправился на ту сторону Днестра. Паром работал до 12 часов ночи. Договариваясь со мной они обещали [11] // отправить меня обратно в 12 часов ночи. Было 4 ученика, лет по 18 – 1 мужичек лет 24 с ярко голубыми глазами, бегавшими как у вора, шарящими по всем углам комнаты, часто выскакивавший на двор по разным надобностям. Когда он выскочил в первый раз, я спросил: “кто он такой, он мне кажется подозрительным?” – “Не бойтесь. Это свой”. На собеседовании был и отец одного из них. Побеседовав достаточное время я стал требовать, чтоб меня отвезли на городскую сторону. Им не хотелось расставаться и они все оттягивали: – еще есть время, еще есть время, и, наконец, сказали: уже поздно – паром не работает. Тогда мужичек с воровскими глазами заявил: в село приехали из Каменец-Подольска урядник, пристав и шестеро полицейских. И ушел. Я стал настаивать чтоб они переправили меня на тот берег в каючке. – “Ночью опасно, плывут льды. Да что вы боитесь? Это полиция по своим делам...” – “Ой, говорю, хлопцы, будет беда и я буду стрелять”. – “Не беспокойтесь ничего не будет. И этого мужичка не надо бояться. Это наш”. – Ну, говорю, а я все-таки ему не верю.

И вот, когда загремели в дверь, я успел только штаны натянуть, босой, без пиджака, а парень плачет и просит: выскочьте в окно. Ладно, говорю, и выскочил с двумя маузерами в руках. Один на прикладе висит через плечо, другой без приклада в левой руке. Парень тоже выскочил, я сунул ему маузер и скомандовал: за мной! А он начал психовать, плакать, приставлять себе к виску маузер. – “Бросьте! Смотрите, что здесь сейчас будет”. И стал стрелять в урядника. Тот не успел вскочить в сени и упал раненый двумя пулями в обе лопатки. Полицейские втянули его в сени, остальные разбежались кто куда. Один прыгая через плетень зацепился и повис головой вниз, болтая ногами в воздухе, а те, кто в сенях прикрыли дверь, выставили дула берданок на меня. Я подошел к ним, думая расправится с ними, но они закричали: ”Счезни чоловіче, бійся бога, що ти робиш?!” Я их оставил, подошел к парню и сказал: пока не одумались и не реорганизовались – на ту сторону на душегубке! Зашли к одному из четырех вчерашних. Тот дал мне калоши и фуражку и моему спутнику тоже что-то. Мы подошли к Днестру, вот и каюк. – “Тітко, дайте нам каючок, ми його на тім боці оставим повище”. – “Ні! ні! ні!..” Он стал просить, умолять. А тітка, еще молодая женщина – не дам! Тогда я подошел к ней, направил на нее мой маузер с прикладом и приказал – отойди! Бери каюк сказал товарищу. – “Ну беріть, беріть, тільки лишіть його повище”. Плывя между льдинами, мы благополучно добрались берега и

лесом ушли в село Рукшин, где у меня уже были знакомые. Парня я отправил в Екатеринослав. [12] // Человек-же с бегающими, воровскими глазками, за свое предательство обрел службу в полиции Каменец-Подольска. Переплыть Днестр было опасно даже днем. Вода, укрытая льдинами, каждая из которых ежесекундно грозила погрузить нас в ледяную воду быстрой реки. А ширина там метров триста. Хорошо еще, что мой “лоцман” оказался опытным гребцом. Когда мы уселись в это корыто, борты его сравнялись с водой почти. Чтоб не всколыхнуть эту душегубку я взялся обеими руками за ее борта, то пальцы моих рук мыла вода. “Сидите тихо, не всколыхните каюк ни в какую сторону” – сказал парень и очень искусно лавировал веслом между льдинами.

В октябре 1908 г. из села в двух километрах от ж.д. станции Ларга к нам приехал волостной писарь товарищ Владимир Варфоломеевич Раренко. – “Едемте со мной в местечко Бричаны. Там хотяг чтоб вы провели несколько собраний.” Полдороги мы проехали на балагуре, а полдороги пешком через кукурузные поля после дождя. Было мокро и грязно, идти было трудно. Мы проголодались, ломали кочаны кукурузы и грызли их всю дорогу.

На рассвете мы были в Бричанах. Он привел меня к своему куму сапожнику. – “Ви його не бійтесь. Це мій кум, це свій чоловік.” “Свій чоловік” говорит нам: “давайте ваше оружие, я спрячу его в сундучек”. Владимир отдал ему свой браунинг, а я маузер. Пистолет веблей же я ему не показал и держал его под подушкой на койке. Вечером, когда стемнело, хозяйка принесла нам ужин, а сама ушла к мужу в другую половину хаты. Мне показалось странно, почему хозяева не ужинают вместе с нами. Владимир ничего не замечал. Стол стоял очень близко к дверям. Я сидел боком к двери и стал замечать какое-то шушуканье в сенях и насторожился. В окно со двора нас было видно как на ладони. Едва мы прикоснулись к пище дверь внезапно открылась. На нас направился сноп штыков. “Ни с места! Руки вверх!” Я мячом вскочил со стула и бросился к койке за пистолетом, но один из стражников подцепил меня ногой и я растянулся на полу, но протянутой рукой вытянул пистолет из-под подушки, быстро вывернулся, но не успел встать и остался в сидячем положении. Веблей был не обстрелянный, замок подавался очень туго, а они надели на меня чтоб отнять пистолет. Видя себя погибшим я правой рукой жал курок, а левой крепко направлял ствол пистолета в правый висок не желая сдаваться живым. Замок не подавался большому пальцу правой руки. А они все гуртом хотели вырвать у меня из руки пистолет. [13] // Урядник бил меня револьвером по лицу и по голове, затем начал стрелять. Огонь сверкал в глаза с каждым выстрелом. Раздался и ружейный выстрел, которым Раренко, сидевший с поднятыми руками тоже получил ранение, не знаю за что. Наконец им удалось вывернуть дуло пистолета на себя. Кто-то закричал: «Стреляет, стреляет!» Тогда один из них всадил мне штык под левую руку и может быть заколол бы меня, если бы моя левая рука, теперь свободная, не открыла вдруг замок пистолета.

От первого выстрела упал тот, кто намеревался заколоть меня, от второго – урядник. Остальные убежали. Вскочив на ноги я выстрелил в одного стоявшего в оцепенении с винтовкой, как на часах. Переступив через троих я бросился в кухню, стал искать чем бы открыть сундук, забрать оружие, но ничто не подходило. Я ворочал сундук, а веблей лежал на столе. Все это происходило очень быстро. Мысль работала сотенными секунды. Вдруг я заметил, что лампа горит. Дунул в стекло – потухло. Раренко сидел как остолбеневший с раненой рукой. Я сказал ему, чего сидишь, убегай. Он ушел, а сам то я не сообразил, что мне надо за ним. Я еще пошарил в кухне, чтоб чем-нибудь открыть сундук. Урядник прохрипел “в цепь”. Вдруг я вспомнил, что и мне надо убежать, пока стражники не одумались. Забыв веблей на столе я выскочил во двор. Темно, хоть глаз выколи. И наткнулся на одного, бросился в другую сторону – на другого, потом еще на одного. Мне надо было выскакивать влево, в калитку, а я пошел вправо. Собака вцепилась в правую калошу. Добравшись в тылу двора до высокого забора, метра два вышины, перелез, спрыгнул и оказался в глубокой яме. Моросил дождь. Держась за стену ямы, нашел наконец выход. Очутившись в степи, я пошел сам не знаю куда. Как в меня выстрелили раз 5-6, то я решил, что я ранен в лицо и в голову, и что скоро будет конец. Шел быстро, был босой и без фуражки, в тоненькой блузке. А когда промок и остыл почувствовал теплое течение в правом предплечье, в левой кисти руки, и по левому боку груди. Поняв, что это кровь, оторвал от кальсон клочек материи, и крепко обмотал им левую руку и пошел дальше. Вышел на какую-то дорогу, пошел по грязи. По дороге шло несколько возов. Это евреи везли пшеницу. Спросив их, куда эта дорога ведет. Сказали, к румынской границе. На рассвете мы были в каком-то маленьком поселке. Один из евреев сказал: вот корчма, иди в корчму. Мошко тебя переправит в Румынию. Тот согласился. Спросил, чего ты такой побитый. – “Парни в одном селе побили меня, сняли камашин и шапку взяли. Кто ж [14] // ты такой?” – “Я беглый солдат и хочу уйти в Румынию”. А левую руку прячу. Там запеклась кровь и надо ее держать в кармане. Он полез на чердак и принес мне старенькую, почти детскую шапку. Какая не есть, а все-таки шапка. А без нее я предательски подозрительный. – “Сколько?” – “Три рубля.” Отвернулся, достал и дал ему. – “А чего ты от меня прячешься”. Я промолчал. – “Иди за мной.” Зашли в коровник. – “Лезай на чердак и не слазь. Сиди тихо.” Сижусь и дрожу от холода. Часов в 10 приходит. Он был громадный человек. – “А ну слазь!” Слез. “Ух ты какой!.. Иди, щоб я тебе не бачив. Отуди в степ і не вертайся, живо!” Я ушел и пошагал сам не зная куда, горюя что нет пистолета. Любой урядник, полицейский встретив меня арестует и мне снова пытки и виселица. Так хоть бы отбилась или застрелился и то выход. Целый день шел на запад. Перед вечером дошел в какое-то молдавское село. Направился к первой хате на краю села. Там душ 5-6 мужчин. Они окружили меня и с любопытством наблюдали за мной. Из них только один говорил по-русски. Начались распросы: кто, откуда, чего и т.д. Пришлось снова врать, но уже в обратную сторону. Я, мол, хотинский, мой дядько там резник. Работал столяром в

Австрии. – “А чего идешь с Румынии?” – “Мне сказали что так ближе. Отец помер и спешу.” – “А чего рукав в крови?” – “Стамеской порезался когда узнал что отец помер.” У них поднялся возбужденный разговор. Стало повторяться слово урядник. Я понял, что они хотят вести меня к уряднику... Опять заскребло у меня в сердце: как я мог уйти без оружия? Женщина лет тридцати вмешалась и так горячо начала их просить, чтоб не вели меня к уряднику. Все повторяла “сараку”, “сараку” /бедный/. Долго мужчины не поддавались. Наконец уступили ей. Спросили меня: “чего хочешь?” – “Отвезите меня в Хотин.” – “Нет, можем отвезти тебя до такого то городка, а там балагура отвезет тебя в Хотин.” – “Сколько хотите?” – “10 рублей и на бутылку водки.” – “Прибавь еще. Десять мало.” – “Не могу. Прибавляю еще на пол-бутылки.” Согласились.

Женщина зазвала меня в комнату, к столу, где стояла брынза и мамалыга. Я кушал, а мужики все наблюдали за мной. Вскоре подъехала бричка. Опасаясь, чтоб они не передумали и не отвели к уряднику я встал от стола и набожно перекрестился перед иконами. Поблагодарил от всего сердца хозяйку, не сколько за ужин, как за то, что спасла меня от урядника. Два молдаванина и я поехали. Начинались сумерки. Я ехал и думал: вот повернут к уряднику. Успокоился только когда стали выезжать из села. Часов в 12 ночи остановились около корчмы, чтобы [15] // дать отдых и покормить коней. Я дал на пол-литра водки. Приглашали меня в корчму. Я отказался. Перед рассветом они вышли и что-то тихо комментировали, видно узнали что-то о бриченской драме.

Ехали понад рекой, значит и вдоль границы с Румынией. Вдоль реки стояли пограничные часовые с винтовками. Я понял – граница... Здесь можно легко встретиться с корчевником, снова понадобится веблей, а его нет. Сердце напряженно работало. Доехали. Я попрощался с возницами. На базаре купил тяжелые сапоги. Напихал соломы и поспешно пошел к ряду еврейских домов, где всегда найдешь балагуру в Хотин. Я сел в фаэтон, а балагурщик пошел в еврейскую столовку обедать. Сижу оглядываюсь и жду его с нетерпением. Вдруг сзади идут два околоточных надзирателя. Я встал с балагуры и тихонько вошел в дом. – “Дайте пожалуйста воды попить.” Служанка пошла в кухню, я за ней, чтоб околоточные не обратили на меня внимания. Коридор был сквозной. Мне пить совершенно не хотелось и я стал пить медленно. Кружка большая, а я потребовал еще одну и ту выпил. Медленно пошел назад. Околоточные прошли. Я сел в фаэтон и дождался своего извозчика и мы рушили из этого пограничного городка. Теперь надо было только не встретиться с каким-либо урядником. К вечеру мы были в Хотине. Заплатил за проезд. Я пошел через весь город в сумерках на “штаб квартиру”. Когда снял ненужные мне большие сапоги ноги были совершенно растертые. Я попросил товарища немедленно принести мне браунинг и только теперь я почувствовал себя опять революционером и успокоился. Утром я ушел к дедушке Патлатому, по фамилии Кирничный. Владимир Раренко уже был там. На другой день мы уже были в Черновцах, а еще через день в Швейцарии. Обоим надо было спешно лечить раны. Левая рука стала

у меня быстро напухать. В Женеве товарищи стали хлопотать: что с нами делать. Попросили жену Плеханова. Та поговорила с хирургом, тот отказался, сказав “я их полечу, но по нашим законам я должен сообщить в полицию”. Дня через два я распух всем левым боком от плеча и до ступни ноги, и уже был весь в жару. Тогда он извлек одну пулю. Другую не нашел нужным извлекать. Полечил и Раренка. А мне сказал: “еще два часа и не было б спасения”. В.Раренко написал в свое село письмо своему куму-уряднику. В результате его арестовали по требованию русского правительства и заключили в тюрьму. Рабочий союз женевский стал в защиту. Но Раренко сказал адвокату рабочих, что он и сам [16] // хочет ехать в Россию. И его выдали России. Из тюрьмы он вышел в Октябрьскую. Во время гражданской был начальником по мобилизации коней для Советской армии.

Я же не стал ждать, чтоб и меня арестовали в Женеве и уехал в Париж. Там я состоял членом русской группы «Буревестник» – анархо-синдикалистского направления. В латинских странах рабочие союзы называются синдикатами. Группа помогала мне и другим членам временно проживающим в Париже по 100 франков в месяц. На российские деньги того времени это было 33 рубля и хватало на пропитание. А когда раны зажили, ходил работать на пивной завод и работал, когда заводу требовались временные рабочие. По вечерам был слушателем в Русском народном университете. Ходил также на реферанты большевиков и других партий. Когда окреп решил возвратиться на родину⁷, чтобы рассчитаться с Караченцевым. К этому времени в Париже был и А.Семенюта. Приблизительно в феврале 1909 года было у нас групповое деловое собрание. Я заявил товарищам, что у гуляйпольцев было постановление: за истязания и избиения, кто останется на свободе должен мстить смертью полиции, поэтому я решил возвращаться в Россию. За мной Семенюта сказал: я тоже еду. Нам дали по 300 рублей и мы уехали. В Вене нам небыло попутного поезда. Надо было где-то переночевать. Заночевали в маленьком готельчике. Утром нас разбудили “именем закона” и повели в ближайшее полицейское управление, потом отвезли в тюрьму. На другой или третий день судили там же, в тюрьме, на депортацию из их государства. А за непочтительное и насмешливое поведение – предварительно на три дня высидки. После чего нас довезли поездом до немецкой границы и отпустили в Баварии. Мы возвратились в Париж. Через некоторое время мы снова поехали через Вену и благополучно добрались до Черновцов и до границы с полными чемоданами литературы.

В Екатеринославе заехали... – “Зачем вы приехали? Ведь здесь на каждого революционера десяток шпииков. Вы пропадете!..”

В знакомой революционной семье по фамилии Кравец, а имени уже не помню, была девочка, не более 16 лет. Я спросил: поедешь с нами за разведчицу. Радостно согласилась. Я отправил ее в Гуляйполе к модной

⁷ Написано зверху рядка над закресленим «на работу».

модистке Татаринцевой в ученицы. Она должна была выследить где и когда бывает пристав. А мы уехали в Александровск. Недели через три она уехала к Марфуше Пивневой и объяснила, что только вечерами имела время [17] // выходить “гулять” на площадь где молодежь прохаживалась взад и вперед вдоль школы, где пару раз видела пристава, но ее заподозрили в швейной мастерской в проституции и ее жизнь стала невозможной. Тогда мы стали ездить в Гуляйполе и узнали, что за поимку Семенюты дают 500 рублей, а за меня земство назначило 10000 рублей, но не явно, а в большем секрете, что пристав сказал: “я знаю, что они здесь и приехали чтобы убить меня, но я им здесь такую паутину сплел, что они непременно попадутся мне в руки”. Так мы рисковали до самой осени и один раз попали было в тенета к самому предателю Шаровскому, по имени, если не ошибаюсь, Омелько, – родному брату нашего групповика Григория Шаровского. Нас уложили спать в одной комнате, а сами стали шушукаться, муж с женой и часто рыпаться из сеней на двор, и обратно. Мы полежали с часок, а заснуть не могли... – “Ты спишь,” – спросил я Александра. – “Нет...” – “Мне, – говорю – тревожно...” – “Мне тоже.” – “Давай уйдем”, говорю. – “Давай.” Встали и ушли. К групповику Крату, что на групповом снимке первый слева. Тот нам посоветовал: уходите. Идут обыски. Время очень беспокойное. Мы ушли. Ушли в Покровское, потом в Павлоград, лишь бы где-нибудь пережить, коротать время и опять из Александровска в Гуляйполе. Но штаб-квартира у нас была в клуне вознесенского крестьянина. В мае месяце мы с Александром решили развезти в Бердянском уезде литературу, привезенную из Парижа. Со станции Лозановка мы пошли пешком. Меня лихорадило: мальчиком я болел 4 года малярией. Дошли до конца одного села и присели в тени деревьев посмотреть, осмотреться. В пятистах метрах другое село, где жил товарищ Кирильченко Василий. “Проедет этот, мы пойдем”. Но “этот” не проехал, остановился. – “Куда идете?” – “К Мартенсу. Работу ищем.” – “Покажите кошельки.” В моем нашел десятикопеечную почтовую марку. – “Так!” Потом достал браунинговую пулю. Отдал кошельки. Берите свои оклунки, поедem в расправу⁸, там разберутся. Было часов 10 утра. Мы нагнулись за оклунками и взвели курки маузеров. Урядник ждет и держит в руке пулю. Я подошел и гаркнул: отдай пулю! И ударил по пуле, полетела далеко и выстрелил ему в голову. Александр тоже, я еще раз. Мы, конечно, не пошли к Василию, и зашли в соседний двор, попили воды. Поблагодарили девицу и ушли в поле, минуя Васильеву хату. Я спросил Александра – помрем сегодня? Он ответил – помрем.

Услышав шум в селе мы легли во ржи. Вскоре мы были окружены крестьянами на конях, в бричках и пешим, вооруженных, кто чем. Бричек было сотни. Кто-то выстрелил из ружья два раза. [18] // Я сказал: идем, Александр, в село. Засядем в хорошем доме и будем отстреливаться. Когда мы поднялись, кольцо закричало, засвистело, заулюлюкало. Мы пошли обратно в село и кольцо за нами. А брочки с людьми все больше прибегали

⁸ Слово підкреслено

из села. Появилась бричка полная людей и кто-то в белом картузе, и шла на нас рысью. Мы стали бросать вверх пачками прокламации и брошюры. Прекратился гам. Люди бросились расхватывать, собираться в кучки и читать. Стали манить нас руками к себе. Мы быстро разбросали и тихо пошли навстречу катившей на нас бричке. Когда она была близко, мы вихрем подскочили схватили коней за возжи и задержали. Я скомандовал: долой все з брички. Мы вскочили в бричку. – “Александр, наведи маузер на кучера!” Сам навел маузер на толпу и мы уехали в сторону Бердянска. Парень лет 18-ти старался ехать потише. Просил щадить коней. Мы стали замечать движение бричек по обеим сторонам. Это погоня: сказал парень. Это было 25 мая. Солнце стало склоняться к вечеру, впереди нас снова появилась переполненная людьми бричка и прямо на нас быстро шли два ингуша. Мы тоже шли рысью. Я командовал: прямо на них. – “Так меня убьют,” – просился парень. – “Не убьют. Они в вас не будут стрелять. И вы сейчас увидите, что здесь будет.” Ингуши наведя на нас наганы скомандовали: сдавайсь! И ихние, и наши кони стали на дыбы. Сдержав коней парень соскочил и побежал в сторону. Поднявшись на ноги мы открыли стрельбу разом с ингушами. Мой ингуш свалился на землю вместе с конем, поднялся и, хромя, побежал назад. Александров – галопом ускакал с простреленной шапкой. Александр погнался за раненым. Я соскочил, подобрал возжи и задержал коней. Крикнул: не теряй времени, Александр! Мы подобрали парня и снова поехали назад. Парень захохотал: мой конь ранен, со рта текла кровь. Но тут я спросил парня, что это за кони, вон, пасутся. – “Это помещичьи, объездчики⁹.” – “Гони к ним.” Мы соскочили. Александр быстро отрезал баклагу с водой, зауздаль коней, мы сели на них, попрощались с парнем и поскакали. Объездчики взвыли сзади. Мы быстро скакали назад. Поздно ночью доскакали до какой-то речушки. Хотели попить воды и напоить коней, но было грузко и не удалось. Под ногами у меня была какая-то лужа, я припав и напился чего-то пахнущего конской мочой, не то навозом.

Когда всходило солнце мы расседлали коней, под Пологами, а сами пошли в соседнее село в 12 верстах. Там у меня был знакомый крестьянин. Он на нас глянул, открыл клуню, впустил нас, принес кислого молока, хлеба, сала. Часа в 4 дня разразилась гроза [19] // и проливной дождь. После хозяин посоветовал нам уходить и мы пошли на Пологи. В грязи мы потеряли наши ботинки и решили идти босые, закатав халоши. Когда мы вступали в Пологи, начинало смеркать. Вдруг смотрим, вправо во дворе костер, ружья в козлах и много стражников. Это они весь день рыскали в поле охотясь за нами и нас спас проливной дождь, а то мы бы попали им в лапы, т.е. не то – под винтовочные пули в чистом поле. Понимая что они нас остановят, я тихо сказал: давай симулировать ж[елезно]д[орожных] рабочих. И мы начали особо громко говорить, как надо подбивать шпалы и что наш старшой ничего не понимает в работе. Все стражники обратили на нас внимание, но как мы,

⁹ Слово написане поперх слова «разъездчики»

босые, с закаченными по колени штанами, стараясь очень громко переговорить один другого, они так и приняли нас за ж.д. рабочих. Пройдя поселок, когда мы переходили ж[елезно]д[орожную] насыпь, часовой, которого мы заметилина насыпи, дал выстрел. Нам пришлось бежать километров пять, а потом побыстрее идти. Мы пришли в Гуляй-Поле к Семенютам. Переспали, лучше сказать передражали от холода всю ночь на чердаке в телятнике, узнали что идут обыски и к вечеру, обходя село пошли в Гильцево поместье. На рассвете зашли в хату помещечьего рабочего, который со мной сидел в каталажке в Гуляйполе. Видя, что его жена скандалит, дал нам адрес в Орехово к своим сватам и мы ушли. Измученные, истощенные, мы в степной дороге присели отдохнуть часов в 10 дня, заснули и повалились на дороге. Спали долго. В Орехове перележали в сеннике часа 2 и уехали ночным поездом в Екатеринослав. Зашли на базар, где торговала сливами и картошкой жена смертника. Они очень обрадовалась нам. Закрывает свой рундучек, повела к себе. Накормила нас, а когда стемнело, говорит: а теперь перелезайте через забор к “цыганке”, так называли ее за смуглый¹⁰ цвет лица, а то ко мне могут придти с обыском. У “цыганки” муж в тюрьме и у нее двое маленьких деточек. Она постелила¹¹ нам на полу. Ночью, перед рассветом, я проснулся, вышел во двор, смотрю, а у нашей доброй соседки обыск. Не теряя ни минуты сказал: – “Цыганка, сделай нам узелочки с хлебом, как ходят на работу рабочие.” И мы быстро ушли, ибо обыск мог обрушиться и на цыганку. Пройдя пару дворов, мы заметили, что местность окружена конными. В одном дворе ворота были открыты. Мы прошли в уборную, простояли там часов до восьми. На нас была крестьянская одежда, мы везли революционную литературу Василию Кирильченко, моему кружковому товарищу в Пологах, которую пришлось бросать пачками в небо. Нам нужно было избавиться от нее, т.е. от одежды. Мы пошли к уцелевшему на воле [20] // товарищу, переоделись в пиджаки и тут же он сказал: уходите немедленно.

Что тут делать! Мы пошли через мост в город, к пристани и, чтоб меньше обращать на себя внимание шпикив улеглись на земле между портовыми рабочими грузчиками. В Кременчуге у меня был товарищ по квартире в Пологах, и по тюрьме в Бердянске. Иван Черногор. У него мы хранили оружие. Только здесь, в посаде Крюкове, мы почувствовали себя в безопасности. На ноги были подняты полиция, сыщики и аграрная конная стража от Бердянска до Екатеринослава. Через время нам стало известно, что все, у кого мы были в поселке Амур, хоть только пять минут, арестованы и сосланы. Мы же увернулись от преследования тем, что с узелками хлеба и в пиджаках, вместо хорошо известных сыску свиток быстро прошли через песочные пустыри, а там через ж.д. мост к порту и улеглись между спящими портовыми рабочими, и тоже притворились спящими. Параход тоже оказался для нас хорошим убежищем. Отдохнув у товарища Ивана Черногора

¹⁰ Слово написано поверх закресленного «случайный»

¹¹ Слово переправлене чорнилами з слова «послала»

несколько дней, закамуфлировавшись плотниками с топорами, пилами, фуганками в руках, оклунками с оружием и амуницией за плечами пошли в Кременчуг на пристань? Долго ждали парохода. Пристань была против громаднейшего жандармского управления Юга России. Мы почувствовали: западня для нас "хорошая"... Пассажиров на пристани: три крестьянских девушки и один парень ехавшие на страдные работы на юг, да мы, да плюс два шпики из жандармского управления, строго наблюдавшие за нами. Один из них дошел до нахальства: присел около моего оклунка и стал на глазах у нас ощупывать содержимое в нем... Опять у нас кипела кровь: дощупаешься!.. Пока тут и ляжешь, сначала ты, а за тем и мы... Надо было лучше маскироваться от таких усердных шпииков¹². Была среда. Мы положили на стол тарань, лук, черный хлеб, и, как полагается православным людям, помолившись, перекрестившись иконе в углу над столом, сели кушать, а шпик с нас глаз а сводит. Вошел оборванный, сытый человек, лет сорока пяти и стал хватать на столе старые, сухие куски хлеба, крутил, вертел, нюхал, снова перебирал их белыми, пухлыми, чистыми руками, показывая своими действиями, что он голоден, но есть – не ел. Мы поняли что испытывает у нас пролетарскую солидарность сознательных рабочих, но мы держимся как скупые, экономные, не сочувствующие, не сознательные рабочие: поевши, хлеб спрятали, как полагается скрягам, встали и не сговариваясь перекрестились, помолились, прошептали: благодарим тя [21] // Христе боже наш, яко набожно взирая на икону. Убедившись, что мы вполне надежные царские холопы, шпик ушел, предоставив своему коллеге произвести над нами последнее испытание. И тот, что ощупывал оружие в оклунке сказал: – “Отак. І ви ще хлопці, ще й богу вірите?” Мы ответили. – “Хай хто як собі хоче – хоть віре, хоть не віре, а ми віremo.” А он снова: – “Тут були хлопці, так ті, не такі як ви. Ті пішли до Мартенса! Та й забрали двадцять тисяч.” Нервы у нас натянулись до крайности. А надо было держать себя совершенно спокойно и безразлично. Тогда я собрался с силами и ответил. – “Та знаєте тепер різні люди єсть.” Тут подошел пароход. Мы взошли и, пока он стоял, все ждали, что испытание еще не кончено, что скоро за нами придут из жандармского управления, но обошлось.

С Екатеринослава поездом, через станцию Гуляйполе, мы добрались в Александровск. Только здесь мы сняли свои патронташи. У каждого по три патронташа, по сто пуль. По два через плечи и один вокруг пояса.

Снова стали пробираться в Гуляйполе и все безрезультатно. Наконец я вспомнил групповика Продана с которым учился во втором и третьем классе земской школы. Мы пришли к Проданам. Вся семья согласилась помочь нам. Дочь Маруся, девушка 17 лет согласилась быть разведчицей. Меня удивляет даже сегодня, как это их отец согласился принять участие в таком опасном для него и его семьи деле. Поселили нас на чердаке. Дверка на чердак была со стороны улицы. Спускались мы на землю только ночами. Через недельку Мария сообщила нам радостную весть, что скоро в театре будет спектакль. А

¹² Слово підкреслено

уж на спектакль Караченцев непременно придет. И мы решили: меня весь центр и особенно полиция знает как облупленного. Александра Семенюту – никто. Он с детства работал у помещика, а хата их стояла на Гуревке, далеко от центра и была на краю села. Так что в центре его никто не знал. Стало быть он с Марусей пойдут на спектакль, сядут в самом последнем ряду, в углу, близко от дверей. Просидят до конца и когда пристав будет выходить они последуют за ним. Я же с Петром Онищенко немедленно едем в Юзовку и убьем юзовского ката – Михайловского, так называемого там “сыскной пристав”. Он так избивал там политических арестованных, что не только стены, но и потолок были в крови. На него уже покушались двое, но неудачно и попали ему же в лапы.

Приехав в Юзовку, мы пошли с одним товарищем, перед вечером, искать этого ката. Обошли всю Юзовку, были в клубе, были во многих местах. В конце концов нашли на улице. Маузер у меня в кобуре за поясом, в карманах у нас обеих браунинги. [22] // Подошли близко. Я выстрелил в грудь. Он стоит. Выстрелил и Петро, но как-то глупо, ранил его в ногу – и стоит как истукан. Не стреляем. Я нажимаю курок раз за разом, браунинг молчит. Дергаю левой рукой, чтоб автомат выбросил гильзу... Опять нажимаю курок. Браунинг молчит. Настоящий кошмар. Дергаю еще... Наконец Михайловский сообразил в чем дело. Сорвался с места, перебежал улицу, выхватил браунинг и наган, и с обоих разрядил на нас свое оружие. Ничего не оставалось как уходить. На мне это происшествие так тяжело отозвалось, что я тут же заболел апатией.

От Юзовки до Рудника было километра 4-6. Сначала мы побежали. Степь была покрыта легонько снегом. Можно и нужно было ожидать погоню: Михайловский видел куда мы побежали. Для меня бегство было позором, которого я не мог перенести. Я сел на снег и стал спрашивать Петра, почему он не стрелял, но он молчал.

– “Вставай Володя, а то на нас могут налететь конные.” Я достал маузер заложил на приклад. – “Ты мне ответь, почему ты не стрелял? Ведь ты приехал, чтоб покарать ката и не стрелял, видя что мой браунинг отказал.” – “Та я думав що з його хватить.” – “Как же хватит если он стоит!” Мне все стало безразлично и я не вставал. Он начал умолять меня встать и уходить. Мы пошли и вдруг он заметил, что я иду без маузера. Он побежал назад, нашел маузер, прибежал и стал торопить меня идти побыстрее. Когда мы пришли наш проводник был уже дома. Не теряя времени мы все трое пошли на ж.д. станцию и уехали в Александровск.

Там уже был и Александр, я сказал ему: с Караченцевым покончено. Мой долг перед нашими товарищами заключенными выполнен. Жить нам уже больше негде. Реакция теперь поднимется еще большая. Они знают что мы здесь. Если мы не уедем из России, мы погибнем и без пользы.

Уговорить Семенюту мне не удалось. Он окончательно решил остаться. Я же, Онищенко и Юзовский проводник, прозванный нами Апполоном, в конце декабря 1909 года, рушили в Конотоп. Там скрывалась Ульяна Кравец, сестра той девочки, что я брал из Екатеринослава, как разведчицу в

Гуляйполе. Ей грозил арест и суд в Екатеринославе. Ульяна воспряла духом и мы, с первым же поездом, уехали в Хотин. Перешли ночью границу, нелегально, в Австрию и уехали в Париж. Месяцев через пять екатеринославский котельщик ж.д. мастерских и самый старый революционер поселка Амур – Чернозем, с Петром Онищенко уехали в Россию, через нашу же нелегальную границу. Но контрабандист [23] // продал их. Старые товарищи контрабандисты уже были арестованы, а новый оказался предателем. перевозя наших парижан лодкой через Днестр, темной ночью, он сказал им: “Сидите тихо, а я сейчас приду.” Отошел от лодки в сторону, и по лодке раздался массовый солдатский залп. Онищенко был убит, а Тихон Жирков (Жирчиков), раненый восемью пулями, попал в тюрьму и сидел до самой Октябрьской. Освобожденный революцией, он не стал ссориться с большевиками, а стал им помогать и, как говорили, был назначен комиссаром города Курска, откуда был родом.

* * *

Теперь мне снова надо возвратиться в Гуляйполе, мысленно, и подумать, кто, и что, мы были, что я хотел там сделать, и что сделалось помимо моей воли, и почему.

Доминирующей программой и идеей в рабочем классе во всей России была Ленинская большевистская социал-демократическая партия, которая призывала сначала свергнуть царское самодержавие, учредить буржуазную республику и лишь потом начинать борьбу за программу-максимум, за победу над капитализмом, за утверждение социализма. У социалистов-революционеров тоже была программа-минимум и программа-максимум, то есть конечная цель – социализм. Эпоха очень революционная. Молодежь рабочая горела огнем революции. Всем хотелось обойтись в революции без переходных периодов. Кроме этого анархисты обещали коммунизм “на другой день после революции”. Это было очень соблазнительно! Таким образом с сотнями революционных рабочих попал в анархисты и я. Все мы, в то далекое время, радовались анархистской идее, как скорой освободительнице от того, что мы ежедневно чувствовали – от нужды и гнета капитала. Но большая ошибка была в тактике анархистов – экспроприация. Им казалось, что экспроприруя, они бьют по цели, но вскоре оказалось что били по своим собственным рядам. Все более развитые рабочие, способные вести пропаганду, агитацию в кружках, застревали в тюрьмах в качестве смертников и повисали в петлях палачей. Посещая Екатеринослав, за пропагандистской литературой, я получил приглашение от Сергея севастопольского и Миши симферопольского принять участие в готовящейся экспроприации казначейства на какой-то станции, не слишком далеко от Екатеринослава. – “Я имею крестьянскую группу и придаю большое значение пропаганде и организации, чем экспроприации.” И они не стали настаивать.

При выходе из Бердянской тюрьмы я пробыл в Гуляйполе [24] // с моими групповиками всего два месяца. Собирались мы на кружковые

собрания каждый вечер и собрание продолжалось до полуночи, и позже. Получив из Москвы письмо от Ивана Черногора с обещанием работы я уехал, не заикнувшись ни разу о необходимости какой-либо экспроприации у нас, в Гуляйполе, со стороны нашей организации. Поэтому я был глубоко поражен, прочитав об эксгах гуляйпольцев в “Московских ведомствах”. Ведь только подумать: заняться вооруженными грабежами в селе, где мы же ведем революционную агитацию, организацию и пропаганду, множа наши революционные ряды. Это же явный провал всей нашей организации, всей нашей работы. В лучшем случае это обещало нам каторжные работы, в худшем – виселицу. В декабре 1906 г., приехав из Москвы, я снова начал кружковую культурно-просветительную работу. Изредка мы гектографировали листовки от имени “Союза бедных хлеборобов”. Эксы не повторялись. Но я все равно сознавал, что мы уже провалены, как говорится, на веревку. Жаль было ребят, но делать было нечего. Факт оставался фактом, гибель – гибелью. Правительство издало закон разрешавший крестьянам выходить из общины и расселяться по хуторам. В этом мы углядели подкоп под нашу мечту о социализме, о коммунизме. Мы опять выпустили листовку против этого опасного крестьянам, с нашей точки зрения, закона. Вскоре появился “Союз истинно русских людей”. Со стороны помещиков и Караченцева это было противодействие “Союзу бедных хлеборобов”. Опять мы гектографировали листовку против них и разогнали их кубло, в котором немцы-помещики предлагали “побольше” церковей строить русскими мужиками”. Ну, а тут, вскорости, Нестор с Михеем, пьяные, устроили спектакль с выстрелом в девушку, воображаемую Михеем своей невестой. Отсюда и возникло начало конца гуляйпольскому “Союзу бедных хлеборобов”. Надо здесь подчеркнуть, что Михей не был членом нашей организации, но, вероятно, был достаточно осведомлен о нас через Нестора. За Нестором арестовали немного позже и меня. Это и было начало конца. Затем последовало нападение в степи на почту. Тогда уже арестовали многих. А меня, по видимому, освободили чтобы выследить остальных. Реакция была большая, поэтому ни я, ни ко мне никто не пришел. Я продолжал работать на заводе и ждал, что кто-нибудь из оставшихся придет ко мне и как-нибудь получу оружие и рассчитаюсь с Караченцевым. Чуть не попав ему снова в лапы уехал в Екатеринослав, в Хотин и т.д. Так, что после декабря 1907 г. я фактически не жил в Гуляйполе, и я, только из рассказов А.Семенюты знал [25] // и теперь смутно помню, что там происходило. Зуйченко и П.Онищенко были сосланы в Архангельскую и потом бежали, и снова скрывались, а от Гуляйполя далеко не уходили. Иван Левадный всегда участвовавший в Любительских спектаклях как артист и хороший танцор уехал в Александровск, и там познакомился с артистами в театре, там к нему приспособился не то шпион, не то провокатор. Они приехали вдвоем в Гуляйполе. Когда ознакомившись с Гуляйполем он стал вместе с полицейскими патрулировать в центре села улицы, арестовывать по вечерам,

тогда Левадный, переодетый в девушку, не сам, а с кем-то из товарищей убили этого типа, какого-то шпика ранили. Однажды в хате Левадня¹³, ночью, собрались вооруженные Прокофий Семенюта – родной брат Александра, Александр и еще несколько товарищей. Их выследили и урядник с полицейскими пришли поздней ночью, постучали в двери. – “Отворяй!” Товарищи отворили двери. Произошла перестрелка. Прокофий был тяжело ранен в бедро, упал и урядник Лебедченко¹⁴. Левадня¹⁵ просил раненый: Ваня не убивай меня. К сожалению Ваня добил его. Это со слов А.Семенюты.

Затем поднялась перестрелка с полицейскими. Товарищи несколько раз наступали на полицию и старались запретить коней у кого-то в бричку. Произошла какая-то неудача и им пришлось в руках нести раненого Прокофия. Стало светать... Прокофий сказал: уходите сами, а меня оставьте, а то и вы пропадете. Те ушли. Когда солнышко взошло, лежащего на улице окружили крестьяне. Он рассказал им что произошло [в] эту ночь, сказал, что он член “Союза бедных хлеборобов”, что боролся против капитализма за свободу и коммунизм. Попросил крестьян отойти в сторону и застрелился. Геройская женщина – жена старшего Семенюты, Андрея не побоялась никого, примчалась за Прокофием, чтобы спасти его и увезти, но он был уже мертв. Вскоре примчалась и полиция. Переехали колесами труп, небрежно бросили труп в телегу и увезли. На кладбище не разрешили хоронить¹⁶, кажется как самоубийцу. Похоронен он был не на кладбище, а сбоку кладбища. Это по смутной моей памяти из рассказа Александра, который сам тоже нес брата на спине, чтоб спасти его, но не пришлось. А я в это время уже был в Хотине.

Теперь нужно дать небольшую характеристику о самих членах “Союза бедных хлеборобов”. Все они были хорошие ребята, морально чистые, не пьющие, раввавшиеся к коммунизму энтузиасты. Помню, как однажды Прокофий сказал мне: – “Не хочется помирать, хотелось бы жениться и жить спокойно.” Я сказал ему: “Если так, тогда ты отпади от нас, не общайся с нами и женись, живи себе спокойно. Мы тебя не осудим.” [26] // А он ответил: “ Так и борьбу не хочется бросать...”

А вот кто был Александр. На кружковых собеседованиях он почти не бывал, потому что служил у помещика. Осенью 1906 г. пошел на военную службу. Послужил там до зимы. Перед дверьми казармы большими буквами было написано: “За богом молитва не пропадет, а за царем служба”.

– Семенюта! А ну прочитай, что там написано.

– Все это ложь, – ответил Александр, – и молитва пропадет и служба тоже!..

¹³ Слово переправлено чернилами з слова «Левадного»

¹⁴ Слово переправлено чернилами з слова «Лепетченко».

¹⁵ Слово переправлено чернилами з слова «Левадного».

¹⁶ Слово написане над рядком.

Поняв что ему теперь грозит дисциплинарный батальон, он, дождавшись темноты, дезертировал из царской армии, пробрался на второй этаж в сенник, через люк вылез на крышу, по водосточной трубе спустился на улицу. Встретив первого рабочего он предложил шинель за его старый пиджак, а за военную фуражку получил его шапку. Поменялись и Александр возвратился в Гуляйполе, а после беспрестанных обысков стал жить в Екатеринославе, но и частенько навещал своих. У него была жена и двое детишек.

В Екатеринославе был помощник пристава по имени Мрачек. Он был ненавистен населению. Заходя в поздние часы ночи он сгонял с постелей всю семью, обыскивал, переворачивал постели, мужчинам кричал: “Ты хочешь меня убить? Когда, когда вы меня убьете?” А стрелял он из браунинга так, что в воздухе попадал в подброшенную монеты в три копейки.

А.Семенюта с другим товарищем часа в три дня застрелили его на людной улице.

Его любимым стихотворением была “Фея” М.Горького. С жаром говорил: “В лесу над рекой жила Фея!” И с ударением и жаром кончал стихотворение: “А вы, как черви немые, свой век проживете, когда вы помрете и сказки про вас не расскажут и песни про вас не споют!..”

Его старшие братья тоже погибли в гражданскую войну. Старший Андрей, второй – Яков, от кого и при каких обстоятельствах я уже не помню, да и не при мне это было. Групповиков у нас было человек 40. Ярмарківці, Гурівці и Вербівці. Массовиков – человек двести.

* * *

После неудачи в Юзово с Михайловским я впал в апатию, почувствовал себя с совершенно большими нервами. Я решил уехать в Южную Америку на пол года. 10-го октября 1909 года я был в Буэнос-Айрэсе. Проработав чернорабочим за очень мизерную плату уехал в Рио-де-Женейро. Иммигрантский дом отправил меня совершенно [27] // бесплатно в более прохладный Южный штат Парана на строительство ж[елезной] дороги. Плата ничтожная, харчи: сухое, соленое мясо. С него варили суп с черной фасолью, такой соленый, что соль кристаллами выступала на губах, на плечах и на лопатках. Мы же кирками долбили землю, нагружали тачки и возили куда указывал частный подрядчик. Комары ковром крыли лицо и руки. Хотя я был и не курящий, но пришлось курить трубку с крепким бразильским черным табаком-корда /веревка/. Его нарезали ножами. Пыхтеть трубкой надо было с утра до ночи. Деньги получишь за свой труд когда контрактист сдаст компании свой отрубок дороги. Рассмотрев положение я ушел в более населенные места. Работал на лесопильне, таская целыми днями бревна и доски. Ушел дальше – снова земляные работы, опять насыпи для ж.дороги, без перспективы заработать больше чем на сухое соленое мясо /шарке/ с черной фасолью и крепкое черное кофе. Идя из глуши на восток я очутился в штате Санка-Катарина на стройке очень большой Северо-Американской лесопильни. Здесь работал и портовым рабочим, строителем

ж.дороги, тачкой, киркой и лопатой, таскал шпалы, рельсы, орудовал молотом забивая костыли, стал кочегаром, потом машинистом на паровом подъемном кране. Здесь были русские и много австрийских украинцев. Я научил их петь революционные песни, распропагандировал их, затем предложил им помочь заключенным в Екатеринославе женщинам: между ними была в тюрьме и Марфа Григорьевна Пивнева. Собрал 50 мильрейсов, 50 добавил своих и отослал. Из переписки с ними знал, что деньги получили. Случился донос. Меня и потемкинца Махоту арестовали. Через несколько суток я уехал снова в Аргентину. Там было очень много русских рабочих и крестьян, и их, повидавших американский рай – миллионеров-помещиков и свой ад – "гринга" зеленого – рабочего, трудившегося за ничтожную плату рабочих, которых война сделала сразу безработными – было легко революционизировать, чем я и занимался до самого возврата в Советский Союз.

Работал разнорабочим на постройках, канавы копал для электропровода, помощником электрика, мостовые камнем слал, и каждое лето уезжал в поле на уборку пшеницы.

Наступил 1914 год, вспыхнула 1-я мировая. В Бразилии и Аргентине остановились заводы и производство. Только Буэнос-Айрес погнался по стране 500 тысяч рабочих. Наездился и я на товарных поездах, находился пешком по Пампе и под непрерывно лившими дождями в провинции Санта-Фэ в течении двух месяцев. В г. Розарио [28] // работал разнорабочим на постройке ж[елезно]дорожных мастерских и в порту на погрузке пшеницы в европейские пароходы. Добрался до Парагвайской границы. Исходил пеши Мисионес. Два раза переходил мисианскую возвышенность, переехал реку Уругвай и снова оказался в Бразилии, в колонии Гуарани¹⁷, частично заселенной сибиряками. Помогал им в охоте на диких кабанов. Из Парижа я получал газету В.И.Ленина /названия не помню/, которую он издавал в Париже, а потом в Швейцарии. По этой газете я научил читать по русски мальчика одной русской семьи. А через шесть месяцев я снова ушел в Аргентину на пшеничную страду. Затем уехал в Тукуман. Там работал на Г.Э.Станции. Случилась забастовка и меня с другими уволили. Снова уехал в Палугу¹⁸ на уборку пшеницы.

Затем работал в провинции Энтре Риос на бойне холодильнике. Снова на Пампе работал вилами на молотье пшеницы. Так доработался я до революции 1917 г. То на кукурузе работал, то на пшенице, а на уборке картофеля я узнал из газет, что дума сместила Николая II с трона. Я поспешил в Буэнос-Айрэс чтобы ехать в революционную Россию. В Буэнос-Айресе, на первомайской манифестации, встретился с группой русских рабочих и попал к ним на собрание. В тот же вечер они уговорили меня поехать в поселок Борисэ, где было много русских рабочих, работавших на двух американских холодильниках-бойнях, организовать культурно-

¹⁷ Слово переправлено чернилами с слова «Гуарана».

¹⁸ Слово переправлено чернилами с слова «Палиту».

просветительское общество, что мне легко удалось. Каждый вечер я проводил собеседования на тему о Русской революции. В последствии это была самая большая в Южной Америке русская раб[очая] организация. Деньги, которые я имел на поездку в Россию постепенно иссякли. Каждое утро я стоял в толпе безработных под воротами то одной, то другой бойни в ожидании работы, но не получил: за мою деятельность в русской рабочей организации.

Под влиянием русской революции в обеих бойнях вспыхнула забастовка. Американцы испугались. Правительство приставило какое-то военное судно. Матросы установили на обоих холодильниках, на крышах, пулеметы и две ночи, с вечера до рассвета, обстреливали, без никакой причины, весь поселок, построенный из дюймовых досок. Скорая помощь то и дело металась по поселку увозя раненых. На улицу нельзя было выходить. Прожектор сразу же нащупывал и пулеметы поднимали стрельбу. Третьей ночи я не стал ожидать, ушел в поле искать работу хоть за одни харчи, но проходил два месяца и не нашел. Проработав лето на уборке хлеба возвратился в Буэнос-Айрес. Послали организовать русских рабочих в культурно-просветительное общество в местечке Саратэ. Организовал. Хотел ехать домой. Можно было проехать только в Англию, на английских пароходах, [29] // перевозивших живой скот, чтобы обслуживать его в пути. Но для этого надо было, в первую очередь, сходить в православную церковь к благочинному Изразцову исповедаться, причаститься, поцеловать крест и руку попу, а потом уже идти к консулу, за разрешением ехать в Англию, иначе англичане не брали наших людей на свои пароходы. Проезд в Россию провалился.

В 1918 г. в Буэнос-Айресе возникла Федерация Российских рабочих организаций Южной Америки. Название и декларацию было поручено сделать Александровскому. Этот был единственный большевик в верхушке федерации, хороший оратор, Сигалу и мне. Председателем первого съезда федеративного был я, а потом был им и на других съездах делегатов. В 1920 и [19]21 годах был редактором федеративной периодической газетки «Голос труда».

В этой же федерации Российских рабочих организаций Южной Америки я был ее администратором. Федерация была анархо-коммунистического направления. В то время, во всех латинских странах Европы и Америки было сильное анархо-синдикалистское движение, но после Великой Советской Октябрьской революции пропало. Особенно повлияла гражданская война и интервенция капиталистических стран. Люди поняли, что без марксистского учения, без диктатуры пролетариата, немислима никакая победа рабочей революции, и анархистское движение заглохло, как по мановению волшебного жезла. Его сменило марксистско-ленинское, коммунистическое.

Через полтора года работы в федерации я, поняв свое полное расхождение с направлением газетки «Голос труда», которое ему придавала редакционная комиссия, я вышел из состава федерации и она распалась.

«Голос Труда» умолк. Люди поняли, что не так швидко діло робиця, як казка говориться.

Выбыв из федерации я уехал в Уругвай. В Монтовидео работал чернорабочим в бойне холодильнике. Здесь в Монтевидео было культурно-просветительское общество, в которое я и вступил. Каждый вечер у нас были собрания. Образовался хороший хор. Собрания кончали пением революционных песен. Была русская библиотека, да еще мы часто организовали театральные спектакли. Деньги употребляли в пользу библиотеки. Организовали русскую школу для детей с платным учителем для чего обложились большими членскими взносами. Каждый вечер я информировал товарищей о происходившем на Родине. Приходилось также говорить перед массой в закрытых помещениях и открытых митингах, для русской [30] // публики на русском языке.

Здесь я должен сказать, что я был большим энтузиастом Октябрьской Социалистической революции с самого начала. Это была реализация моей мечты с самого шестнадцатилетнего возраста. Гражданская-же война в Советской России, весь ее трудный, хоть и победоносный ход – иностранная интервенция, все происходившее в то роковое время в России убеждало меня с каждым днем, что без диктатуры пролетариата, без ленинской партии-большевиков наша социалистическая революция была бы легко раздавлена реакцией белых и интервенцией капиталистических стран.

Тем часом стали приходиться известия из Англии, что английские власти не пропускают в Россию русских из Южной Америки: используют их в копиях по добыче угля. Решив, что интернационалисту все равно где бороться за мировую социальную революцию, временно оставил мысль о репатриации. За сквозившую с меня революционность хозяева гнали меня с работы. Работал я то литейщиком, то вагранщиком, то на стройках, пароходы очищал от ржавчины. Словом вередовать работами не приходилось. В 1924 году я вынужден был уехать из Монтевидео, спасаясь от безработицы, в район Пайсенду и на берегу реки Уругвай, в лесу, занялся пасечным делом. Семья у меня увеличивалась и довольствоваться вечной безработицей дальше нельзя было.

Приезжая в город за продуктами, я всегда посещал рабочий локаль коммунистической ориентации. Помогал партии при всех сборах денег. Увозил с собой партийную литературу и газету. Принял уругвайское гражданство, начал голосовать за Компартию. Так я и жил душа в душу с Компартией Уругвая до самого выезда из страны. Во время Второй мировой войны даже говорил с трибуны Компартии на площади Конституции города Пайсанду от имени славянской группы города, на испанском языке, славя партию Советского Союза, спасшую человечество от нацистского истребления и рабства.

В 1931 году хозяин судом выселил меня из своего поместья. Я поселился со своими пчелами вблизи города. Место для пасеки оказалось не важное. Пришлось заняться и огородничеством и перевозиться с пасекой, то за 25 километров на остров реки Уругвай, то в леса за 65 километров. Словом

началась тяжелая борьба за существование. Только и выгоды было жить под городом, что детям было ближе ходить в школу. Потом начали вымирать пчелы от эпидемических болезней. В таких [31] // условиях подошел 1941 год.

Коварное нападение гитлеровских грабителей на мою социалистическую родину!.. Думать о своем благосостоянии не могу. Пошел в город, собрал 15 человек русских жителей. Рассказал им о человекоистребительском характере нацистской войны. Организовал комитет Помощи Советской Красной Армии. Вскоре нас было 70 человек. По моему предложению мы обложились крупным членским взносом, организовали праздники, сборы средств. В 1943 г. я был делегатом Славянского Конгресса Латинской Америки от славян города Пайсанду, а затем в течение ряда лет делегатом славянских ассамблей республики Уругвай в городе Монтевидео.

После войны наш Комитет превратился в клуб Максима Горького. В клубе я тоже все время был председателем, секретарем, и, в общем руководил им идейно, и в социалистическом направлении. Произнося речи на праздниках, – праздновали мы, конечно, только советские, – на собраниях, – защищал диктатуру пролетариата, бесцеремонно атаковал американский империализм, который в Уругвае сильно чувствовался. Доказывал, что буржуазное государство тоже есть ничто как диктатура капитализма гнетущая рабочий класс.

На Родину меня всю жизнь за границей тянуло. Жена Надежда Ивановна Забелина тоже, всю жизнь, всячески оттягивала время выезда, чтобы никогда не уехать на родину. Наконец она согласилась, подошло время ехать, снова отказалась. Тогда я спросил консула, а я сам имею право ехать с теми сыновьями, которые согласны ехать. – Да, имеете. В Советском посольстве в Монтевидео меня хорошо знали, как надежного патриота. 1962-го г. Советское посольство разрешило мне с тремя сыновьями, невесткой и двумя внучатами ехать домой – в Советский Союз на китобойном судне «Слава».

Пятого мая 1962 года товарищи консул и агент Т.А.С. обнялись с нами, распрощались и мы поплыли к священным берегам моей Родины.

Пятого июня «Слава» достигла порта г. Одессы. Шестого июня 1962 года в глубоком волнении я ступил на родную землю. На землю первого в Мире Социалистического государства.

За Южной Америкой, за ее капиталистической безработицей не скучаю.

Вольдемар Генрихович Антони

6.09.1974 г. [32]

В.Антоні – Ф.Кущу. 6.III.1965 р. Нікополь.

Уважаемый товарищ Федор Иванович Куш, здравствуйте! Уведомляю Вас, что я получил Ваше письмо от Елизаветы Алойзовны и отвечаю.

Мой адрес: Днепропетр. обл. г. Никополь.

р. Северный, ул. Кирова, 8.

Г.А.Ляпунову.

Теперь я не Владимир Андреевич Антони, а Григорий Андреевич Ляпунов, потому что жил в Уругвае под этой фамилией.

Я немного недоумеваю для чего Вам понадобилась история г. Гуляй Поле.

Начиная с 1906 г. по 1910 г. включительно село играло большую революционную роль, нельзя забывать что Н.Махно затемнил эту роль тем, что не подчинился товарищу Ленину и партии большевиков, спасших первую в мире Социальную революцию.

Поэтому было бы хорошо повидаться с Вами и столкнуться. Кроме всего примите [1] // во внимание, что мне уже 79 лет и память моя слишком слабая, чтоб я взялся за такую работу. Нам бы следовало повидаться и Вы бы сообразили, что полезное мог бы я Вам дать для истории Гуляйполя. Я, например, забыл уже имена и фамилии почти всех товарищей. Если у Вас в Гуляйполе сохранился хоть один человек, если не с группы, то хоть масовик, близкий к группе того времени, тогда можно было бы возстановить многое. Если Мария Продан жива она должна знать многое. Сыновья борцов того времени могут много помочь Вам да мне. До свиданья!

Вл. А. Антони

[P.S.] Вы не родственник тех крестьян Кушей, что жили рядом с заводом Кригера? С одним из них я ходил в школу, а позже мы оба работали в слесарном цехе у Кригера.

В.Антоні – Ф.Кущу. 9.II.1966 р. Нікополь.

Здравствуйте, дорогой товарищ, Федор Иванович!

Горячо приветствую Вас и всех Ваших и, в то же время, моих, товарищей гуляйпольских коммунистов.

Жаркий привет Вам от Ю.Г. и Артура.

В этом пакете переводы с Вашими фотоснимками.

Позавчера был в Горисполкоме и товарища Пятигорца.

Вчера снова был у него по его приглашению. Он пригласил судью и в моем присутствии познакомил его с нашим делом. Затем по телефону пригласил адвоката и поручил ему составить мне заявление в Суд. Завтра в 9 ч. утра я с адвокатом передам дело судье. Свидетелями взяли Юзефу, Елизавету, [1] // Марию и Анну Антони.

Повидимому им ехать сюда не понадобится. Их испросят на местах.

С искренним сердечным пожеланием Вам, Федор Иванович, крепкого здоровья Ваш В.Г.Антони.

P.S. Последний ответ Гуляйпольского Райбюро ЗАГС все таки пригодится Нам здесь в Суде. Так, что пусть шлют. [2]

В.Антоні – Ф.Кущу. (без дати) Нікополь.

Дорогой Федор Иванович, здравствуйте!
Приветствие Вашей семье и товарищам-землякам!

Не было б нужды отрывать Вас от работы, да последнее время стал я задумываться над процессом моей злополучной пенсии. Когда Запорожье отослало мои документы в Днепропетровск через неделю они прибыли к нам для решения пенсии здесь. Никопольцы постановили просить пенсию местного значения. Собес позвал меня и заменявший заведующего сказал мне: то, что на испанском языке, мы Вам возвращаем, а остальное все завтра шлем в Днепропетровск. Я немного удивился такому, повидимому, – приказу из Днепропетровска. Перечисляю то, что не понадобилось в [1] // Днепропетровске из моих документов для такого решительного приговора о моей пенсии.

1 тетрадь: Документи про допомогу Г.А.Ляпунова Комуністичній партії Уругвая і про належність його до компартії Уругвая.

2. Документи про діяльність Г.А.Ляпунова в Російському Комітеті допомоги Червоному Хресту С.Р.С.Р. 1941-1944 рр.

3. Документи про участь Г.А.Ляпунова у Слов'янському Союзі і Слов'янському Конгресі 1943-1950 рр.

Чем эти документы помешали днепропетровским товарищам?

Товарищески приветствую Вас
В.Г.Антони. [2]

В.Антоні – Ф.Кущу. жовтень 1966 р. Нікополь.

Дорогой товарищ Федор Иванович, здравствуйте!
Как ваше здоровье? Пишите пожалуйста.

Позавчера я получил ответ от облсобеса, от 19/Х/66, следующего содержания.

№ 021/189. Областной отдел соцобеспечения сообщает, что исполком областного Совета депутатов трудящихся рассмотрел Ваши документы и своим решением от 7-го октября 1966 года за № 697, не нашел возможным назначить Вам персональную пенсию местного значения из за отсутствия

оснований предусмотренных Постановлением Совета Министров СССР от 14-го ноября 1956 года за № 1475.

Зав. Обл. отделом соцобеспечения
Завед. Сектором пенсий и госпособий

В.Василенко
К.Рыжай

Что скажете Вы Федор Иванович, нет ли у них такого закона, что если нельзя дать пенсию местного значения, то хотябы дали пе[н]сию рублей в 25-30. Я би и на такой пенсии был бы счастливей чем на пособии в 10 рублей.

Жду Вашего совета дорогой друг. В то же время очень беспокоюс[ь] за Ваше здоров'я. Пишите о себе.

Привет Вам и Вашей семье от меня, Юзефы Андреевны и от Артура. Ваш В.Антони. [1]

В.Антони – Ф.Кущу. 12.I.1967 р. Нікополь.

Дорогой Федор Иванович, здравствуйте!

Вас интересует, как я уехал из Запорожья! – Сидел на вокзале 7 1/2 часов, и уехал в 5 часов и 5 минут. Немного бродил в окружности – искал где бы купить кошелек для монет но ничего не нашел. И странно: ни в Никополе, ни в Запорожье, ни в Днепропетровске не смог найти кошелек или рукавиц. Приехал ночью в Нікополь, а там снегопад крупными влажными хлопьями. В 8 1/2 часов вечера добрался домой.

Алексадру Никаноровичу Тарасенко написал в Запорожье чтоб сообщил мне письменно или телеграфно если потребует СОБЕС. Здоровье пока протекает нормально. Благодарю за заботу [1] // обо мне. А Вам желаю большего здоровья.

Пусть наши враги болеют, а нам надо быть здоровыми. А враги наши – это всегда и всюду империалисты. Шоб на мою волю, я б їх уже бив би у Вьетнамі. Бо шось міні здається, що вони таки затовчуть південний Вьетнам.

Приветствуем Вас Федор Иванович и Вашу семью я, Езефа Генриховна и Артур.

С пожеланием здравствовать В.Г.Антони. [2]

В.Антони – В.Яланському. 8.II.1974 р. Нікополь.

Дорогий Вікторе!

Я одержав Ваші листи. Не відповів відразу, бо був дуже зайнятий. Мені вже майже 88 років, а турбот і клопотів у мене багато. Та в мої роки і з невеличкими клопотами важко впоратися... За вітання з Гуляй-Поля дякую. Я родом звідтіля. Скажу навіть точніше: народився в Гуляй-Полі в 1886 році в будинку Воробйова на Ярмарковій площі...

Мені цікаво знати, чи є в Гуляй-Полі діти Олександра Семенюти, чи хоча онуки, чи де вони? Діти, звичайно, могли загинути під час Вітчизняної

війни, але онуки десь мають бути. З вітанням Вас і всім Вашим рідним. Усі древні гуляйпільці дорогі мені і я радий знати, як живуть – чи добре? Дякую ще раз за Ваші листи.

В.Антоні

В.Антоні – В.Яланському. 20.ІІ.1974 р. Нікополь.

Дорогий Вікторе Івановичу!

Прочитавши усі Ваші листи, я вирішив, що Ви людина добра, з жарким самовпевненим характером.

Ваш предок Нестор Махно, без сумніву, був людина обдарована. Вам приємно чути від мене це, але наше українське прислів'я каже: “Люби, Боже, правду”. Нестор мені близький, як сотні моїх гуляйпільських однолітків.

Я зараз лежу в постелі. І мені здається, що я незабаром залишуся прикутим до ліжка “до переможного кінця”. Коли мені стає легше, я виходжу на повітря і навіть ходжу до продмагу...

Нестора я знаю з дитинства. Йому було 7, а мені 9. Ми з ним на Ярмарковій площі снігових баб качали, а весною там у цузика грали, м'яча ганяли. Тоді футболу ще не було. Його вигадали англійці набагато пізніше. Але наша гра була набагато розумнішою й цікавішою, отож дуже дивно, що футбол її зітер із пам'яті людей і діти забули гру в матки. Футбол, коли він офіційний, а не дитяча забавка, це не гра, а бізнесменський засіб заробляти на праці футболістів великі гроші.

Навчалися ми з Нестором в одній школі, земській, тоді вона в нас була лише одна, містилася на Церковній площі, а нижче на тій же площі був у нас базар – по неділях та середах.

Нестор ходив до першого класу, я до другого. На ковзанах ми теж з ним ат іншими хлопчиками каталися на річці Гайчур, це вниз від базару. Роком пізніше, – пам'ятаю, мов зараз бачу, як під ним лід провалився, на глибокому місці, де влітку коней купали. Річка тільки но вкрилася тонким шаром льоду. Ми каталися опівдні, нас багато, крига тірщить, застерігає, щоб ми на глибоке не їздили. А Нестор якраз і заскочив. Лід провалився, Нестор хапається за кригу, щоб вибратися з води, а крига раз за разом ламається. Всі ми завмерли і дивилися. Нарешті, він видерся, побіг додому. А додому йому було десь два кілометри.

Восени 1908 року нас заарештованих везли на возі в повітове місто Олександрівськ у супроводі двох поліцейських, озброєних берданками, везли в другу пересильну поліційну частину. Там ми з ним розлучилися назавжди. Його, Нестора, відправили до тюрми, а мене залишили в частині й через місяць звільнили – визволила сестра.

Дивлюсь я на портрет Галини Андріївни, що ви мені прислали, й думаю, як багато перетерпіла вона, перестраждала у своєму невдалому житті. Дочка схожа на Нестора. Правда, на нашу долю революційна епоха наклала – на сотні тисяч людей – тяжкий відбиток...

ДОДАТКИ

АВТОБИОГРАФИЯ ГРИГОРИЯ АНДРЕЕВИЧА ЛЯПУНОВА

(рукописний варіант)

Уважаемые товарищи СОБЕСа! Пишу вам мою автобиографию в плохих условиях – в курене, в степи, будучи сторожем частнической пасеки.

Пишу по вашему требованию.

Родом я из с. Гуляйполя, Александровского уезда Екатеринославской губ[ернии], сын Генриха Андрея Алойзовича Антони, чеха и Сусанны Яковлевны Бонелис. Родился 4 июня 1886 г. Грамоту получил в земской школе. Настоящее мое имя Владимир Антони. За границу я ушел нелегально под Хогином в 1908.

Моя пролетарская жизненная закалка была следующей. Бедность и лишения свели мою мать в могилу, когда мне было 9 лет. С 13 лет я начал работать в литейной завода Я. Кригер в Гуляйполе¹⁹. Шестнадцати летним переселился в Екатеринослав, где мой отец работал машинистом и поместил меня учеником в токаря на Трубопрокат[ном] заводе Ланге. Здесь шла интенсивная революционная подготовка. Вскоре я стал получать из рук отца Искру и прокламации, а еще чуть позже прокламации С. Д. Р. партии для распространения в ночной смене на заводе и в поселке Амур в зоне завода. Затем я узнал, что отец ходит на социал.-демокр. собрания и стал проситься, чтоб он и меня брал, но ответил: ты еще молод. Этим воспользовались эс-эры и ввели меня [1] // в свой кружок. А мне в то время было безразлично – одни и другие были рабочие и социалисты и этого было достаточно. Теперь я распространял уже прокламации обеих партий. Узнав, что один из старших эс-эров имеет Капитал К. Маркса, я захотел тоже прочитать и просил его одолжить мне, но он ответил, что этих книг мало и ему ее дали на ограниченный срок, и он должен возвратить ее уже завтра. Я очень пожалел, что не смог тогда прочитать эту важную книгу, а много позже пришлось пожалеть еще больше. Она бы направила меня по линии научного социализма, а без нее я попал под влияние народничества.

В 1903 г. вспыхнули всеобщие политические стачки на юге России. Забастовал весь рабочий Екатеринослав. Забастовал и трубный Ланге. В городе солдаты три раза расстреливали рабочий митинг под красными знаменами, оставив на земле 53 трупа и много раненых. Мы же, забастовав, все направились в машиностроительный, остановили работу и вместе с ними ворвались в листопрокатный Шодуара, где было много полиции, но она должна была открыть нам ворота. Мы проникли в кочегарку и свистком известили рабочих Шодуара о забастовке. Затем мы все прошли на лесопильню и там остановили работы. Вернулись [2] // на площадь митинговать. На другой день был назначен большой митинг. Но нас внезапно взяли в тиски с одной стороны солдаты, с другой – конная полиция во главе с исправником и, выслушав требования нашего оратора, солдаты и полиция пустили в ход приклады, нагайки и копыта коней и так стиснули нас, что я как-то очутился поверх людей и упал за палисадник лицом вниз, а ноги застряли в палисаднике. На меня стали падать и прыгать люди и затоптали мне грудь так, что я одиннадцать месяцев кашлял кровью. Палисадник и три забора были снесены народной волной. Надо сказать и о требованиях нашего митинга. На вопрос исправника: – Чего вы хотите? Наш оратор сказал: требуем 8-и часового рабочего дня, свободы слова, печати, собраний, манифестаций, прямого, равного и тайного голосования и долой самодержавие. Стачка была грубо подавлена. Но рабочий народ настроился еще революционнее. Когда сама администрация сожгла трубный Ланге, я стал токарем в жел[езно]дор[ожном] депо станции Пологи, Ек[атеринославской] ж[елезной] д[ороги]. Здесь и организовал кружок

¹⁹ Останні два слова написані над рядком.

своих ровесников и вел пропаганду против капитала и царской власти. Тем временем надвигались революционные события 1905 г., названные впоследствии товарищем Лениным [3] // репетицией. Вот в этой репетиции выпало участвовать и мне. По призыву первого в истории Совета Рабочих депутатов, мы, деповские рабочие, приняли активное участие во Всероссийской всеобщей Октябрьской стачке, которая оказалась революцией против царского самодержавия. Но царский манифест, пообещавший куцые конституционные права народу, обманул страну, и революционное нарастание прервалось. Люди поверили манифесту. Но это был только стратегический прием царских властей, чтобы успеть перейти в контрнаступление.

В ответ на царский маневр Совет Раб[очих] депутатов снова призвал весь российский пролетариат повторить революционную стачку в декабре. Забастовало и наше депо. Получались депеши о боях в Москве, Горловке, Дебальцево. Народ горел желанием ехать помогать горловским, дебальцевским товарищам, александровским железнодорожникам, забаррикадовавшимся в железнодорожных мастерских, а оружия не было.

По постановлению Революционного комитета депо занялось изготовлением холодного оружия и ручных гранат. Мы, токари, точили гранаты из чугунных труб. Разоруженные рабочими жандармы заходили в цехи [4] // и высматривали кто, что делал. Поэтому, когда карательный отряд донских казаков занял Пологи, арестованных сильно избивали.

26 декабря депо начало работать. Когда мы зашли в депо начальник механического цеха ЗУБЧЕНКО прочитал всем список имен – кого начальник отделения требовал явиться на станцию. Из 93 требовавшихся, только четверо решили идти, остальные разбежались. Я, И.Черногор, Н.Муратов и один зырянин с пением «Смело друзья, не теряйте бодрость в неравном бою», пошли на станцию. Где ваши снаряды, – спросил меня вахмистр? Никаких снарядов у меня нет, – ответил ему я. Нас повели к выходу. От дверей до вагона с арестованными, выстроились в два ряда казаки и избивали нас кулаками в лицо, и в затылок, прикладами в спину, дулами в бока. А когда мы были вблизи вагона, нам заградили вход и начался отбой назад. Затем они образовали круг и началось что-то напоминавшее игру «в кошки и мышки». Нас гоняли во все четыре стороны, избивая дулами и прикладами, сбивали с ног и избивали ногами, качая по всем направлениям и, наконец, загнали в вагон. С этого момента я решил не сдаваться больше [5] // под арест царским сатрапам, и что с самодержавием впредь надо бороться только с оружием в руках. Через три месяца меня освободили из Бердянской тюрьмы, а при судебном разбирательстве опять спохватились за мной, но я стал скрываться и решил уехать в Москву. В Москве я работал токарем на заводе Шмейля в Замоскворечье. Вскоро рабочие избрали меня членом рабочего комитета. Заводским старостой у Шмейля был большевик С. Метелкин. Он поместил меня на своей квартире. Он помог мне войти в пропагандистский кружок ораторов, где уроки преподавал тов. Бонч-Бруевич. Дабы избавиться от авторитетного старосты Метелкина, Шмейль приказал его сослать подальше из Москвы. Метелкина арестовали. Я остановил работы на заводе, сказав жаркую речь в защиту старосты. Рабочие решили не начинать работу пока нам не возвратят Метелкина. Вооруженные винтовками со штыками, многочисленные полицейские окружили завод, а все рабочие стояли во дворе и требовали возврата товарища. К полдню Метелкин появился в заводе. Мы ликовали. [6] // На другой день меня потребовали в полицейский участок и предложили убраться из Москвы немедленно или я буду отправлен на родину по этапу.

Возвратившись в свое село, я организовал группу бедных хліборобів и начал гектографировать прокламации против столыпинской политики расселения крестьян на отрезках. Как противодействие нам пристав Караченцев организовал в селе союз «истинно

русских людей» имени архангела Гавриила²⁰. Активистами у «истинно русских» были соседние помещики и кулаки. На свои собрания они призывали [7] //по одиночке крестьян и допытывались кто это распространяет прокламации?

Собралась группа, и мы решили, что если не разогнать «Архангела», нас скоро раскроют. Решили поджечь всех помещиков состоявших в «Обществе истинно русских людей» и самых активных у них кулаков. Мы распространили прокламацию-ультиматум, что-то наподобие – «объявляем вам – распускайте свой черносотенный союз, будем поджигать всех его членов и даже уничтожать». Они конечно не обратили на это внимания и стали еще энергичнее доискиваться нас. Вскоре запылали помещичьи усадьбы. Сожгли даже одного крестьянина дом²¹, который очень кичился своим жетоном Архангела.

Горела хата черносотенца. Сбежались люди, стали наблюдать, но никто и рукой не пошевелил. Люди добри, чего же вы стоите? Поможите потушить пожар!..

– Хай тобі Архангел помагає, – отвечали крестьяне. И когда пострадавший в отчаянии сорвал с груди архангела [8] // и, с пристрастием, бросил жетон – причину своего несчастья – в огонь, то крестьяне сказали: Отепер ми тобі поможем и дружно взялись тушить.

Осенью 1907 г. меня снова арестовали и заперли в волостной каталажке. На ночь меня привели в кабинет станового пристава. Не успел я войти, к[а]к Караченцев вклеил мне две крепкие оплеухи. Смерть тебе!. прозвучало в моем мозгу как гром, чем я и приговорил его к смерти. Между прочим у нашей группы было такое постановление: физические оскорбления мстить и карать смертью.

Меня отвели в подземное помещение, где они обыкновенно допрашивали арестованных, избивали сионистов, истязали эс-эров. Караченцев обзывал проституткой семнадцатилетнюю, привезенную из деревни учительницу. Смерти мы ожидали за нашу борьбу, но оскорблений не могли переносить, ни прощать. Здесь с меня сняли кожушок, блузу и сапоги, оставив в одной сатиновой сорочке. Пристав взял офицерский хлыст и начал [9] // секти меня им до иступления. Затем он стал допрашивать: признавайся и выдавай всех и вся. Я ответил, что ничего и никого не знаю. « – А, не знаешь!» – И он набросился на меня с кулаками. Стражники держали меня за обе руки. Он колотил и приговаривал: «Убьем и закопаем, и никто не узнает, где ты делся... Я и не из таких, как ты, выбивал признания!» И он принимался снова толкти меня. Видя, что так он и не добьется моего признания, велел приставить меня к стене. Мне стражники растянули руки. Он отошел шагов на шесть от меня, наставил кулаки как буфера вагона и, с разгону, ударил меня ими под ребра, раз, другой, третий и до тех пор, пока я не свалился в обморочном состоянии. Мне стали лить холодную воду, как лед, в лицо. Когда я пришел в себя, меня посадили на стул и он снова стал требовать признания. Безрезультатно. Снова приставили к стене и снова тоже самое. Я снова очутился на полу. Снова холодная вода в лицо. Подняли, усадили на стул. «Воды!» – заорал он бешено. Мне дали кружку в два [10] // литра ледяной воды. Я проглотил ее всю, до дна, не отрываясь. – «Признаешься?» – «Нет» – был мой ответ. Меня свалили на землю лицом вниз. Один сел мне на затылок, другой на ноги, а Караченцев стал наносить мне по пяткам удары толстой резиновой масисой. После этого снова усадили на стул и подали ту же кружку холодной воды. И снова я ее всю опорожнил. С меня лил пот, как в паровой бане. Теперь он милостиво стал уговаривать меня. Сам он был сильно возбужден, нервен, волновался и руки у него тряслись. "Признайся, выдай своих хохлят и я тебя отпущу. Ты посидишь некоторое время, потом выйдешь и будешь сыт, пьян и нос в табаке. Ну, что ж, сознаешься?" Я злобно ответил ему: «Нет!», почти крикнув. Тогда он взял тетрадь и прочитал имена всех членов группы, назвав меня атаманом шайки анархистов-коммунистов, разбойников и

²⁰ В рукописі мається посилання на нижньому полі листа *) "Они носили значки Архангела Гавриила".

²¹ Запис на полях "Васецький Кирик ???"

поджигателей. Перечел номера и типы револьверов и бомб. Я понял, что мы кем-то преданы, передал словесно товарищам, чтоб немедленно скрылись, как [11] // можно подальше и предупредил их что мы раскрыты и преданы. Но я забыл еще, что прочитав все это, пристав спросил меня:

– «На, а теперь признаешься?» Я твердо ответил: «Нет». Тогда он плюнул мне в лицо со всей силы очень обильным плевком. В полночь меня повели в волостную каталажку, дрожа и сильно вцепившись в рукава моего полушубка.

На следующее утро меня повели к следователю. Допросив меня, молодой следователь сказал: «Я освобождаю вас, но пристав имеет право держать вас две недели административно». Через две недели меня отправили в пересыльную часть г. Александровска, откуда через месяц екатеринославский губернатор административно освободил меня по ходотайству моей сестры, которая сейчас свидетельствует, что я был именно политэмигрант. Становой обещал истязать меня в течении двух недель, но, за меня вступился следователь, земский начальник Волков, и старшина запретил брать на допрос [12] // арестованных в ночную пору.

Будучи освобожден административно, я ясно осознавал, что это не надолго. Сознавал также, что мне грозит виселица и что надо улепетывать как можно подальше. 279 статья висела у меня на шее за вооруженное сопротивление старшему стражнику Захарову с подчиненными, но я, сгорая нетерпением отомстить за истязания, в конце лета 1908 года возвратился домой. Но в селе уже почти никого не было. Многие были арестованы и сидели в тюрьме, а оружие осталось неизвестно где спрятано. Я настойчиво доискивался оружия. Но [в] один вечер, часов в 10, придя домой, у калитки встретил брата, ждавшего меня в тревоге.

“Скрывайся, – сказал он, – за тобой приходили...” Началась тяжелая, нелегальная жизнь человека, которого ищут десятки шпионов. Становой Караченцев и другие стражники сбрили усы и рассыпались по ближайшим городам. Чтoб не подвергать страшной опасности рабочих и крестьян, пришлось всю зиму ночевать в стогах, в собачьих кублах. Весной я уехал в г.Хотин на Австрийской границе в качестве пропагандиста и заведующего нелегальной границей анархо-коммунистов, куда шло оружие и литература из-за границы [13] // и развозились по многим губерниям. Вскоре я проводил кружковое собрание в селе Пригородок за Днестром. Пришлось заночевать. Утром пристав, урядник и 6 вооруженных берданками полицейских угрожая взломать дверь, разбудили меня. Ранив урядника двумя выстрелами я скрылся. Осенью 1909 года я был в селе Бричаны Бессарабской губернии, чтобы провести кружковое собрание. Когда стемнело, в хату, где я остановился, ворвался урядник с 7-ю стражниками, вооруженными винтовками со штыками. Положив троих и сам будучи ранен штыком и револьверными пулями, я благополучно скрылся.

В зимнюю стужу, ночью, обстрелял бричку, в которой за мной гнался жандарм станции Гуляйполе. В каком это году было не припомню.

25 мая 1909 года, занимаясь развозкой оружия и литературы, я с А.Семенютой были арестованы урядником часов в 10 утра в одном селе, названия которого не помню, – прямо на улице. Сразив его маузеровскими выстрелами, мы пытались скрыться в пшеницах. Нас окружили сотни крестьян, стреляли улюлюкая. Мы повернули в село. Переполненные народом брички окружили нас. Тогда я начал с силой бросать вверх пачки брошюр и прокламаций. [14] //

Озадаченные крестьяне стали расхватывать литературу. На нас катила бричка с сельской властью. Один был с оружием. Мы остановили коней, захватили бричку и к вечеру под Бердянском, в поле, налетевшим на нас двум верховым ингушам, скомандовавшим нам нацелив на нас наганы – «Сдавайся!» – оказали сопротивление, убив коня и ранив одого из них. Потом захватили коней помещичьих разъездчиков и скрылись. В нашей упряжи тоже один конь был ранен. Ингуши тоже стреляли в нас.

Осенью 1909 г. я приехал из Парижа где состоял в издательской группе а[нархистов]-коммунистов «Буревестник», чтобы рассчитаться с Караченцевым и другими катами. Ко мне присоединился Семенюта. В селе было сумно, шли непрерывные обыски, налажено предательство и обширный шпионаж. Караченцев говорил: «Я знаю, они хотят меня убить, но я расставил такую сеть, что они непременно попадут в нее». Меня знали все в центре села, я и ночью рисковал был раскрытым. Пришлось несколько раз приезжать в село и специально покидать его. Наконец семья Продана приютила нас на чердаке и взялась помочь нам. Готовился спектакль в театре. «Там мы его [15] // и накроем», решили мы. Пристав непременно придет в театр. Александра никто не знает в центре. Они с Марией Продан, молодой девушкой, пойдут в театр. Просидят до конца спектакля, а когда зрители и сам Караченцев станут расходиться, дело решиться успешно для нас. А пока Александр управится с Караченцевым, я направился в Юзовку, чтобы покарать еще большего изверга, запятнавшего кровью рабочих стены и даже потолок полицейского застенка, так называвшегося в то время в Юзовке сыскного пристава Михайлевского. Но меня ожидала ужасная неудача. После первого выстрела мой браунинг отказал, гильза не выскочила. Как в кошмарном сне, я дергал браунинг обеими руками, чтобы выбросить гильзу на глазах у Михайлевского. Опомнившийся пристав, рванул через улицу, выхватил наган и стал палить по мне так, что у меня даже под ногами пули крошили искры. Но все же главная цель, из-за которой я приехал из Парижа, была достигнута. Гуляйпольские групповики, казненные и оставшиеся в живых, и томившиеся в Екатеринославской тюрьме, могли считать себя отомщенными [16] //.

В конце декабря 1909 г. я перешел австрийскую границу и не возвращался вот до 1962 г. 5-го июня. В 1910 году екатеринославский военный суд, по делу 110 анарх[истов]-коммунистов заочно осудил меня к смертной казни.

В Южной Америке я прожил 51 с половиной год. С самого начала я там организовал кружки пения революционн[ых] песен и помощи российским политзаключенным, культурно-просветительские организации, школы русского языка, был председателем первого Съезда Российских раб[очих] организаций Южн[ой] Америки, полтора года редактировал периодическую раб[очую] газету «Голос Труда». К сожалению статьи контролировались и диктовались малограмотными анархистами-экстремистами с которыми я всегда был в контрах. Наконец, на одном съезде, они обвинили меня анархо-синдикалистом и большевиком, и вообще плели галиматью и оскорбляли. Я подал в отставку, оставил федерацию и она вскоре развалилась. О чем даже не приходилось жалеть. Дело в том, что во время первой мировой войны я получил газету редактированную В.И.Лениным и был с ним солидарен что ни революционерам, ни рабочему классу [17] // не нужна затеянная империалистами война и в корне был против анархических дивизий собранных по призыву П.А.Кропоткина. Хоть я считал себя ан[архистом]-коммунистом, но рабочую партию большевиков считал самой родственной ан[архистам]-коммунистам.

Великая Окт[ябрьская] Сов[етская] Соц[иалистическая] революция, гражданская война, интервенция капит[алистических] Государств, холод, нужда и разруха окончательно убедили меня, что без научного социализма нельзя осуществить социальную революцию. Поселившись в Уругвае в департаменте Пайсанду, начал материально поддерживать компартию. Посещал митинги, манифестации, на всех республиканских выборах голосовал за коммунистических кандидатов. Даже три года был членом партии, но помощь партии от меня могла быть только финансовая потому что моя жизнь проходила около пчел в лесах, на острове в 30 – 40 – 65 километрах от города. Хоть семья и жила в городе, но всегда был на пасеке. Остальное Вам уже известно из моего письма товарищу Гроненко.

Г.А. Ляпунов [18]

НОТАТКИ Ф.І.КУЩА НА СТОРІНКАХ РУКОПИСУ “АВТОБІОГРАФІЇ” В.АНТОНІ

Коли перший раз повернулися з Парижа, то переховувалися в одному з сіл Покровського району / тоді волості / в Борисова Григорія.

Одного разу, коли поліція робила облаву, чуть не попалися. Спали надворі в копиці соломи. Антоні ледве втік за куц барбарису. [1] //

Живе в сестри Нефедової Юзефи. Вона член КППС з 1926 року.
Чоловік її був комісаром 124 полку XIV дивізії. Загинув у 1919 р.

З ним приїхало 2 сини /з одним з них – Артуром – я знайомий/. Працює на трубному заводі в Нікополі. Жінка і три сини залишилися в Уругваї.

Антоні Володимир був членом Компартії Уругваю 3 роки. [2]

«СЛАВЯНСКИЙ СОЮЗ города ПАЙСАНДУ»

Прошлого 22 иння Славянский Союз г.Пайсанду организовал обед в доме брата Т.Громика по причине даты пятой годовщины предательского гитлеровского нападения на Советский Союз и с целью сбора некоторой материальной помощи Отечеству, которое умело боротьяся и раздавить наци-фашистскую Германию, освободило и помогло освободиться всем славянским и неславянским нациям от германского господства.

После обеда несколько товарищей выступили с волнующими речами относящимися к дате, призывая присутствовавших укреплять славянское единство и поддерживать действенную помощь. Акт состоялся в очень сердечной обстановке и дал женской секции организации чистой прибыли 59.35 песо. Тоже был разыгран ящик вина подаренного для этой цели [1] // братом Александром Архипюком. В соответствии с розыгрышем жоебий пал на брата Михаила Носа, владельца номера 41, который снова подарил его Славянскому Союзу, чтобы еще раз был разыгран.

21 июля брат Архипюк организовал праздник в связи со днем семилетия рождения его дочурки Розиты. И с намерением помочь детям сиротам Отечественной войны была собрана между участниками праздника сумма 26.40. В то же время буфет отдельно дал 16.52. Между тем праздник Розиты дал тотальную суму 49.92 песо прибыли, которые целиком были внесены Славянскому Союзу города Пайсанду для немедленных закупок одежды и обуви детям сиротам войны Советского союза.

От имени Славянского Союза в Пайсанду выражаем нашу глубокую благодарность вишеупомянутым братьям [2] // за их добрую инициативу в пользу братской помощи проведенной с успехом.

За Исполнительную комиссию
Григорий Ляпунов. Секретарь. [3]

РЕЧЬ ДЕЛЕГАТА РУССКОГО КОМИТЕТА ПОМОЩИ СОВЕТСКОМУ КРАСНОМУ КРЕСТУ г.ПАЙСАНДУ г-на Г.А.ЛЯПУНОВА

Лет 800 тому назад славянские княжества, на которые разделялась громадная территория, что сегодня называется Россией была атакована свирепыми и жестокими татарскими завоевателями. С такой легкостью, как и сегодня наци-фашисты, монгольские орды заняли половину Европы, доходя иногда до центральной Европы. Окупация славянских народов хищными завоевателями окончилась только когда завоеванные

княжества объединились вокруг великих князей, как Александр Невский, Дмитрий Донской и царь Иван Грозный. Только тогда беспощадные завоеватели были разбиты русскими в великих и кровопролитных [1] // битвах и только в течение сотен лет рабства и опустошений славянские народности освободились от татарского ига, соединившись в одно государство сильное и непобедимое.

Этот исторический пример учит нас что для того чтобы освободиться от нацифашистского гнета мы должны объединиться с доверием и без колебаний. Объединившись победим! Необходими объединиться для борьбы с коричневыми зверями пока они уничтожают наши народы. Мы должны оставаться объединенными и после поражения общего врага для того, чтобы никогда не повторилась в будущем вторая попытка, подобная гитлеровской.

Славяне! Клянемся бороться за наш союз!

К несчастью есть еще между нами некоторые элементы, которые сознательно или несознательно действуют против [2] // Славянского Союза, которые осуществляют большие усилия, чтобы помешать нашему великому союзу. Все они бедные духом или умом, удрученные, трусливые или пораженцы, оказываются хорошими помощниками Адольфа Гитлера и суть тело пятой колонны. Они заслуживают только наше великое презрение, но, как они опасны мы должны бороться с ними. Когда окончится война они будут судимы своими собственными народами и осуждены как предатели.

Наше движение не имеет ничего общего с расизмом, ни с реакционным панславизмом прошлого столетия, как претендуют те, которые не могут понять актуальный исторический момент. Наш тесный союз образовался на почве наших поражений, возник из пепла наших сел и городов. Страдания [3] // невинных мучеников о нем взывают, плачь и стоны наших детей сожженных и похороненных живыми его требуют от нас. Сам завоеватель нам указывает, что мы должны делать, чтобы выйти победителями из этой войны, войны уничтожения наших народов. Те, что открывают рот против нашего священного союза, не кто иной, как иуды, которые способствуют угнетателям наших народов.

Наше единство основывается на нашем сознании, что мы одного происхождения, что наши славянские языки происходят от одного великого, общего корня, что в настоящий момент у нас идентичные цели, что мы составляем одну и ту же духовную семью и что воодушевляемся одними и тем же чувствами о нашей славянской культуре, [4] // как и глубокою любовью к свободе, к демократии и независимости наших народов.

История учит славян, что их судьба и счастье тесно связаны между собой и что будущее всех славянских народов зависит от их единства и от сегодняшнего единства больше чем никогда.

Наша цель: истребление гитлеровских орд и ихнего командования, уничтожение гитлеровского государства и его правителей.

С этой целью объединились народы С.С.С.Р., Англии, Соединенных Штатов и всех остальных свободолюбивых народов.

Соединим тоже и мы наши усилия и поможем нашим братьям преодолеть все трудности [5] // и достигнуть поскорее окончательной победы. [6]

ЛИСТ-ПОДЯКА ВІД ДИПЛОМАТИЧНОЇ МІСІЇ СРСР В УРУГВАЇ ЧЛЕНАМ РУСЬКОГО КОМІТЕТУ м.ПАЙСАНДУ

LEGACION
de la
UNION DE LAS REPUBLICAS
SOVIETICAS SOCIALISTAS

Montevideo, 10 августа 1944 года

sulevar espana 2741
Tel.41-3879 y 41 - 1884

№ 118

Г.г. Ляпунову²², Иванчуку, Маслоку
Русский комитет в г.Пайсанду, Уругвай

Уважаемые граждане!

Настоящим подтверждаю получение Вашего письма от 24.7, в котором Вы извещаете о переводе на текущий счет Советской Миссии в Уругвайском банке 249.88 песо в пользу Советского Красного Креста. Ваши деньги будут пересланы по назначению.

Передайте, пожалуйста, благодарность Советской Миссии всем участникам пожертвований. Благодарим за приветствия.

С приветом

/підпис/ М.Чуркин

Атташе Миссии СССР в Уругвае²³ [1]

ВЫПИСКА ИЗ РЕШЕНИЯ²⁴ ИСПОЛКОМА ЗАПОРОЖСКОГО ОБЛАСНОГО
СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ²⁵

гор. Запорожье

№264

от 2 июня 1967 года

О назначении персональных пенсий

Руководствуясь Положением о персональных пенсиях, исполком обласного Совета депутатов трудящихся Р Е Ш А Е Т :

Назначить персональную пенсию местного значения:

4. АНТОНИ Вольдемару Генриховичу, 1886 года рождения, активному участнику революционного движения в России 1905-1907 годов, за что преследовался царской охранкой. С 1907 по 1962 г. находился за границей и являлся членом Славянского движения Советского союза за рубежом, с с 1 мая 1967 года, в размере 40 руб. в месяц, пожизненно.

Председатель исполкома обласного
Совета депутатов трудящихся
/печатка/²⁶

Ф.Мокроус

Секретарь исполкома обласного
Совета депутатов трудящихся

М.Бучекчийский [1]

²² Підкреслення слова виконане хімічним чорним олівцем пізніше від часу створення документу.

²³ Знизу фотокопії листа зроблений напис чорними чорнилами російською мовою “Фотокопия благодарности Атташе Миссии СССР в Уругвае тов.Чуркина Русскому комитету в Пайсанду за сбор средств в пользу Красного Креста СССР. Оригинал документа хранится в комиссии по истории г.Гуляйполя.”

²⁴ Машинописне підкреслення

²⁵ Над заголовком мається рукописний напис “Г.Польский РК КПУ 21.VI.67г.” В лівому верхньому кутку аркуша стоїть віза “Т.Солодкий. 22.VI.67 г.” з підписом.

²⁶ На відтиску печатки вкругову читається українською мовою “Виконавчий комітет Запорізької обласної ради депутатів трудящих. Протокольна частина”.